

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

Объект авторского права

УДК (811.161.3+811.111)'42

БАСОВЕЦ
Ирина Михайловна

**СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ И ЕЁ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ТЕКСТОВЫМИ КАТЕГОРИЯМИ**
(на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Минск, 2025

Работа выполнена в учреждении образования
«Белорусский государственный университет иностранных языков»

Научный консультант: **Задворная Елена Геннадиевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры, УО «Белорусский государственный университет иностранных языков», кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Официальные оппоненты: **Левицкий Андрей Эдуардович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации

Волынец Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры, Белорусский государственный университет, кафедра русского языка

Романовская Алла Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры, УО «Белорусский государственный университет иностранных языков», кафедра славянских языков

Оппонирующая организация: УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Защита состоится «8» января 2026 года в «12.00» часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02.22.01 в учреждении образования «Белорусский государственный университет иностранных языков» по адресу: 220034 г. Минск, ул. Захарова, 21, e-mail: info@bsufl.by, тел. ученого секретаря: (017)289-45-82.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке учреждения образования «Белорусский государственный университет иностранных языков».

Автореферат разослан «25» ноября 2025 года.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций
кандидат филологических наук, доцент

Е. В. Зуевская

ВВЕДЕНИЕ

Проблема информационной безопасности в медиапространстве, которая приобрела в последние годы особую остроту, влечет за собой повышение ответственности журналистов за достоверность сообщаемой информации. В связи с этим в современной лингвистике существенно возрастает значение исследования того воздействия, которое оказывают на качество медиаконтента субъекты – источники сообщаемых сведений, обладающие различными референциальными характеристиками.

Несмотря на активное обсуждение вопросов референции (в трудах Б. Аббот, Г. Пауэлла, Н. Д. Арутюновой, А. А. Кибрика, Е. В. Падучевой и др.), понимаемой как соотнесенность языковых единиц с объектами действительности, в том числе субъектной референции (в работах Е. В. Будённой, С. В. Власенко, А. С. Кудрявцевой, А. Маккензи и др.), ряд проблем в этой области на уровне текста / дискурса остается до конца не исследованным. До настоящего времени в языкознании остаются открытыми вопросы, касающиеся участия субъектной референции в реализации текстовых категорий, объединенных авторством сообщаемого, равно как и является дискуссионной проблема выделения текстовых категорий (что отмечается М. В. Воронец, О. Н. Копытовым, А. Ф. Папиной, О. С. Федотовой, Р. Бограндом, В. Дресслером, Ч. Лейманном и др.).

В теоретическом плане ответы на поставленные вопросы существенны не только для осмысления общенаучных проблем референции и текстовой категоризации, но и для определения дискурсивного и лингвокультурного своеобразия субъектной референции и ее влияния на смыслопорождение в медиатекстах на различных, в том числе разноструктурных, языках. Кроме того, решение очерченных проблем имеет важное социальное значение, так как позволит, с одной стороны, противостоять информационным манипуляциям, создаваемым вследствие употребления различных типов субъектов сведений, и тем самым способствовать формированию медиаинформационной грамотности в современном обществе, а с другой стороны, использовать результаты исследования при экспертной оценке достоверности медиатекста. Особое значение в этом теоретическом и социально-практическом контексте приобретает анализ категорий авторизации и деавторизации, наиболее тесно связанных с ответственностью говорящего за транслируемые сведения.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена важностью изучения способов управления информацией, а также возможностей модификации таких ее качественных характеристик, как точность, надежность, верифицируемость в современном медиапространстве; необходимостью выявления взаимодействия текстовых категорий и референциальных характеристик высказываний в зависимости от авторства передаваемых сведений,

которое влияет на отношение медиатекста к действительности в диапазоне от фактографического отражения до конструирования медиареальности; значимостью исследования текстовой деавторизации как ключевой категории, делегирующей ответственность говорящего за сообщаемые сведения неопределенным или обобщенным субъектам; необходимостью установления общих и специфичных характеристик субъектной референции в медиатекстах разноструктурных языков (английском и белорусском).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными темами. Диссертационное исследование выполнялось в рамках следующих научно-исследовательских тем: 1) «Лингводидактическое обеспечение изучения теории и практики английского языка в сфере лингвистического образования» (2024–2025 гг., ГР № 20241006); 2) «Языковые единицы и дискурсивные практики в семантико-прагматическом аспекте» (2024–2025 гг., ГР № 20240533); 3) «Релевантность и салиентность информации в семантике языковых и дискурсивных единиц» (2025 г., ГР № 20212246), включенной в государственную программу научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»; 4) «Лингвометодическое обеспечение изучения теории и практики английского языка на старших курсах лингвистического университета» (2022–2023 гг., ГР № 20191955), раздел «Формирование научно-методического обеспечения языковых дисциплин»; 5) «Глубинные смыслы языковых единиц (2022–2023 гг., ГР № 20161386).

Тема работы соответствует Приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг. (п. 6 «Социогуманитарная, экономическая и информационная безопасность (человек, общество и государство, история, культура, образование и молодежная политика, спорт и туризм, управление технологиями, технологическими и социальными процессами)»), утвержденным Указом Президента Республики Беларусь № 156 от 7 мая 2020 г., а также магистральным ориентирам Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5, и Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1.

Цель настоящего исследования заключается в разработке концепции взаимодействия субъектной референции и текстовых категорий, связанных с авторством передаваемой информации в медиатекстах на английском и белорусском языках.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) определить набор медиатекстовых категорий, которые соотносятся с авторством сообщаемых сведений;

2) выявить типы субъектов, используемых в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных медиатекстов, их потенциал в реализации междискурсивного взаимодействия и конфликтогенные характеристики;

3) установить используемые в изучаемых текстах субъектно-референциальные стратегии и реализующие их типы субъектов, а также выявить их связь с прагматическими функциями;

4) определить характер участия референциальных типов субъектов ссылочных конструкций в манифестации выявленных медиатекстовых категорий;

5) установить признаки и разновидности деавторизации как медиатекстовой категории, выявить субъектные модели текстовой деавторизации;

6) определить специфику субъектной референции в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных медиатекстов.

Объектом исследования выступают ссылочные конструкции с различными типами субъектной референции, участвующие в реализации текстовых категорий, связанных с авторством сообщаемого в англо- и белорусскоязычных медиатекстах.

Предметом исследования являются референциальные и семантико-прагматические характеристики субъектов ссылочных конструкций, которые манифестируют в медиатекстах на английском и белорусском языках текстовые категории, связанные с авторством сообщаемого.

Материалом исследования служат ссылочные конструкции в составе высказываний, представленных в англо- и белорусскоязычных медиатекстах за период с 2000 по 2025 годы. На этапе отбора источников материала было исследовано 10000 (по 5000 для каждого языка) медиатекстов трех функционально-жанровых типов: информационно-аналитическая статья (текст рубрик News & Opinion в англоязычном медиаполе), интервью и художественно-публицистический текст (текст группы feature в англоязычных СМИ¹). Медиатексты отобраны из англо- и белорусскоязычных электронных версий изданий The Guardian, The Times, The Telegraph, The Economist; The New York Times, The Wall Street Journal, USA Today, Time; Звезда, Беларусь сегодня, Настаўніцкая газета, Полесский курьер, Маяк Прыдняпроўя. На этапе выявления различных структурно-семантических и референциально-прагматических характеристик был проведен анализ 12000 ссылочных конструкций, отобранных из 1400 медиатекстов на английском и белорусском языках. На этапе установления характера категориальной реализации и выявления шести текстовых параметров было изучено 2097 английских и 2318 белорусских

¹ Далее в тексте работы по отношению к жанрам используются русскоязычные термины.

ссылочных конструкций из 200 медиатекстов на английском и белорусском языках, указанных в Приложении А к тексту диссертации. На этапе построения субъектных моделей текстовой деавторизации было проанализировано 811 английских и 865 белорусских ссылочных конструкций из 176 медиатекстов на английском и белорусском языках (Приложение А).

В работе применяются следующие **методы** исследования: сравнительно-сопоставительный метод (при выявлении специфики функционирования разнореференциальных субъектных номинаций в сопоставляемых медиатекстах на двух языках); референциальный анализ (в процессе определения типа субъектной референции); контекстуальный анализ (при описании функционирования субъектных номинаций в медиатекстах); компонентный анализ (в ходе фиксации словарных значений единиц субъектного и предикатного кодирования); лингвостилистический анализ (для определения жанровых особенностей предмета изучения); количественный анализ (для выявления количественной представленности различных аспектов изучаемых единиц); сопоставительно-параметрический метод (при установлении и сравнении коэффициентов деавторизованности медиатекстов на двух языках); метод моделирования (в процессе построения субъектных моделей текстовой деавторизации).

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые осуществлено многоаспектное изучение взаимодействия субъектов ссылочных конструкций и текстовых категорий, соотносимых с авторством сообщаемых сведений, на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов. Использование комплексного подхода позволило на основании сущностных признаков медиатекстов определить набор текстовых категорий, в манифестации которых участвуют субъекты ссылочных конструкций; установить референциальные и семантико-прагматические характеристики субъектов ссылочных конструкций в англо- и белорусскоязычных медиатекстах; определить используемые в изучаемых текстах субъектно-референциальные стратегии и их корреляции с прагматическими функциями; установить автономный или синкретичный характер реализации выделенных текстовых категорий с участием разных референциальных типов субъектов ссылочных конструкций; разработать блок-схему для распознавания достоверности высказываний медиатекста на основе ссылок на третьеличные субъекты сведений; обосновать статус деавторизации как медиатекстовой категории, выделить ее признаки, разновидности, текстовую архитектуру в форме субъектных моделей и рассчитать коэффициенты деавторизованности медиатекста; выявить общие и специфичные черты субъектной референции в англо- и белорусскоязычных медиатекстах.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **положения**, выносимые на защиту:

1. Сущностные признаки медиатекстов, а именно: надежность источников, фактологическая основа, доказательность, вторичность, массовость и динамичность, формируют набор медиатекстовых категорий, в манифестации которых участвуют субъекты сведений, указывающие на первоначальное авторство сообщаемой информации. К таким категориям относятся: авторизация, деавторизация, эвиденциальность, интертекстуальность и достоверность. Связь данных категорий с авторством сообщаемых сведений обеспечивают референциальные характеристики субъектов ссылочных конструкций, которые позволяют, во-первых, разграничить категории авторизации и деавторизации; во-вторых, актуализировать разные типы эвиденциальности, интертекстуальности и достоверности.

2. Ссылочные конструкции англо- и белорусскоязычных медиатекстов включают дискурсивные голоса как в референтном, так и в нереферентном употреблении (при количественном преобладании референтного). В исследованных медиатекстах представлены дискурсивные голоса, дифференцируемые с опорой: на грамматическую категорию лица (перволичные, второличные, третьеличные); на критерий экспертности субъектов (экспертные и неэкспертные); на признак существования или несуществования субъектов в действительности (эмпирические и гипотетические). Ссылочные конструкции с разными типами субъектов в референтном и нереферентном употреблении способны вводить иностилевые элементы, обеспечивая взаимодействие медиадискурса с официально-деловым, научным, художественным и обиходно-бытовым дискурсами. Ссылочные конструкции с однотипными дискурсивными голосами могут породить референциальный конфликт при неоднозначности анафорических связей субъектов сведений.

3. В медиатекстах на английском и белорусском языках реализуются четыре субъектно-референциальные стратегии, которые различаются по типам субъекта и видам решаемых прагматических задач. Эмпирические субъекты соотносятся со стратегиями сохранения тождественности референциального статуса, вуалирования субъекта и перехода от нереферентного к референтному статусу; гипотетические субъекты – со стратегией конструирования. Выявленные стратегии демонстрируют определенные корреляции с прагматическими функциями: стратегия сохранения тождественности референциального статуса связана с передачей ответственности за сообщаемое, точностью маркирования источника для референтного субъекта и ссылкой на авторитет при употреблении единиц со значением экспертности; стратегия вуалирования субъекта ориентирована на сокрытие субъекта и апелляцию к

осведомленности адресата; стратегия перехода от нереферентного к референтному статусу предполагает характеристику сообщаемого; стратегия конструирования обладает самой широкой функционально-прагматической палитрой и нацелена на реализацию манипулятивных тактик, оказание эстетического воздействия, повышение полемичности, усиление аргументации, создание фона для введения собственной точки зрения, апелляцию к общему культурному фонду знаний.

4. В медиатекстах на английском и белорусском языках ссылочные конструкции с различными типами субъектной референции конструируют разные смыслы и выступают средствами манифестации текстовых категорий, связанных с авторством сообщаемых сведений. Ссылочные конструкции с референтными субъектами реализуют категории авторизации, эвиденциальности (всех разновидностей, кроме слухов), интертекстуальности (в ее цитатной и автоинтертекстуальной разновидностях с возможностью установления связи с текстом-донором), а также фактической и коммуникативной достоверности (при ссылках на экспертные дискурсивные голоса). Ссылочные конструкции с референтными субъектами, маркирующие введение оценочных или прогностических пропозиций вне прямой речи цитируемого субъекта, манифестируют только категорию авторизации. Ссылочные конструкции с нереферентными субъектами реализуют категории деавторизации, интертекстуальности (в цитатной разновидности без возможности обращения к тексту-донору), эвиденциальности всех типов, фактической и коммуникативной достоверности (только при ссылках на исследования и общественно-историческую практику), коммуникативной достоверности при кодировании субъекта сведений языковой единицей со значением экспертности. При этом конструкции с нереферентными субъектами не обеспечивают ни одну из разновидностей достоверности, если субъекты являются источниками с неизвестной репутацией. Ссылочные конструкции с гипотетическими субъектами реализуют только категорию деавторизации.

5. Ключевую роль в распределении ответственности за передаваемую информацию в медиатекстах на английском и белорусском языках выполняет деавторизация. Как текстовая категория коммуникативно-прагматического типа она обладает следующими признаками: логико-понятийным единством, основанным на интегрировании в текст неидентифицируемых дискурсивных голосов; общей текстовой функцией делегирования неконкретным субъектам ответственности за сообщаемое; однотипной лингвистической манифестацией посредством деавторизованных высказываний. Медиатекстовая деавторизация имеет две разновидности: нейтральную и оценочную. В деавторизованных высказываниях оценочного типа оценка может быть локализована как в ссылочной конструкции, так и в пропозициональной части (или в обоих

компонентах высказывания); иметь объективный или субъективный характер квалификации; демонстрировать наложение выражения оценочных смыслов, исходящих от нереферентных субъектов, с одной стороны, и от журналиста, с другой. Количественный аспект данной категории выражается в коэффициенте деавторизованности, который представляет собой отношение ссылочных конструкций с нереферентными субъектами ко всем ссылочным конструкциям медиатекста. Качественный аспект категории отражается в наличии субъектных моделей, которые выстраиваются на основании структурно-логических и семантико-прагматических связей конструктивных элементов, образуя вариативную текстово-субъектную архитектуру. В медиатекстах выделяются шесть субъектных моделей текстовой деавторизации: кустовая, центрическая, иерархическая, гибридная, дисперсная и рекуррентная.

6. Субъектная референция в ссылочных конструкциях медиатекстов на английском и белорусском языках демонстрирует как общие, так и специфичные черты. Общими являются структурные типы ссылочных конструкций, реализуемые ими прагматические задачи, количественное преобладание референтных субъектов над нереферентными, корреляции ссылочных конструкций с медиатекстовыми категориями, модели текстовой деавторизации (кроме рекуррентной, которая выявлена только в англоязычных информационно-аналитических статьях). Специфичные черты субъектной референции обусловлены разноструктурностью сопоставляемых языков, социокультурными отличиями и жанровым фактором. Разноструктурность языков определяет различия в поверхностной структуре бессубъектных ссылочных конструкций и наличие / отсутствие детерминативов. Социокультурный фактор проявляется при реализации прагматических задач по отношению к нереферентным субъектам в функции сокрытия и апелляции к общекультурному фонду знаний. Жанровый фактор обуславливает различия в отношении качественного и количественного аспектов категории деавторизации, представленности авторизационных показателей нереферентных субъектов ссылочных конструкций, количественного распределения референтных / нереферентных субъектов в отдельных жанрах англо- и белорусскоязычных медиатекстов.

Личный вклад соискателя ученой степени. Проведенное исследование представляет собой личный вклад автора в разработку проблем медиалингвистики, лингвопрагматики, лингвистики текста, стилистики и логической семантики. Представленный список работ диссертанта отражает основные результаты, которые получены в ходе самостоятельной работы, выполненной на основе анализа референциальных и семантико-прагматических характеристик субъектов ссылочных конструкций в медиатекстах на английском и белорусском языках.

Апробация результатов диссертации. Основные вопросы исследования и полученные результаты диссертации нашли отражение и прошли апробацию:

– в учебном процессе с обучающимися первой степени получения высшего образования на факультете английского языка Белорусского государственного университета иностранных языков в преподавании учебных дисциплин «Социокультурные основы речевого общения», «Язык средств массовой информации (английский язык)», на факультете социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета в преподавании дисциплины «Язык средств массовой информации», что подтверждено тремя актами о внедрении;

– в реализации программы сотрудничества Международной Ассоциации исследователей языка медиакommunikации в составе исследовательской группы «Грамматика и прагматика дейксисных и строевых единиц в медиаречи»;

– в мастер-классе для магистрантов и аспирантов факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова во время стажировки в апреле 2024 года;

– в открытой лекции с использованием телемоста для студентов и преподавателей зарубежного вуза (Пермский государственный национальный исследовательский университет), научном круглом столе с участием студенческих кружков кафедры истории и грамматики английского языка Белорусского государственного университета иностранных языков и студенческого научного общества филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета;

– в виде докладов на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Белорусского государственного университета иностранных языков, на межкафедральных семинарах «Практика научной коммуникации»;

– в форме докладов на следующих международных и республиканских научных и научно-практических конференциях и круглых столах: «Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков» (Брест, 2014); «Наука – образованию, производству, экономике» (Минск, 2016); «Коммуникативное пространство Беларуси» (Минск, 2016, 2018, 2022, 2023); «Вариативность в языке и речи» (Минск, 2019); «Семантический потенциал языковых единиц и его реализация» (Минск, 2021); «International Marmara Scientific Research and Innovation Congress» (Istanbul, 2022); «Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы исследования» (Минск, 2023, 2024, 2025); «Профессиональный полилог в мультилингвальном мире: язык, культура, метод» (Москва, 2023); «Дни науки МГЛУ» (Минск, 2020, 2022, 2023, 2024, 2025); «От слова к дискурсу» (Минск, 2023, 2025); «Язык и коммуникация в контексте культуры» (Ростов-на-Дону, 2023, 2024); «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербург, 2023, 2024, 2025); «Иноязычное образование в

современных реалиях: проблемы и векторы развития» (Казань, 2023, 2024); «Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы» (Ижевск, 2023); «Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании» (Москва, 2023); «Контрастивные исследования языков и культур» (Минск, 2023); «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» (Пермь, 2024, 2025); «Лингвистика, лингводидактика и переводоведение: настоящее и будущее» (Москва, 2024); «Актуальные вопросы иноязычной филологии, переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия» (Чебоксары, 2024); «Социоэкономические, лингвистические и правовые представления молодых ученых в эпоху перемен» (Казань, 2024); «Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы» (Ярославль, 2024, 2025); «Современная филологическая наука: достижения и инновации» (Иваново, 2024); «Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков» (Гомель, 2018, 2024); «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» (Краснодар, 2025); «Теория медиа и медиалингвистика: научно-исследовательские подходы, достижения, перспективы» (Омск, 2025); «Пользовательский контент в современной коммуникации» (Челябинск, 2025); «Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных» (Калуга, 2025).

Опубликованность результатов диссертации. Результаты диссертационного исследования отражены в 59 публикациях (общий объем 38,23 авт. л.), из них 1 монография (12,53 авт. л.); 16 статей в научных рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК Республики Беларусь для публикации результатов диссертационных исследований (12,07 авт. л.); 1 глава в коллективной монографии (0,79 авт. л.); 9 статей в сборниках научных трудов и статей (3,67 авт. л.); 32 публикации в сборниках материалов и тезисов докладов (9,17 авт. л.). Все публикации выполнены без соавторства.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из раздела «Термины и определения», введения, общей характеристики, четырех глав, заключения, библиографического списка и 2 приложений. Общий объем диссертации составляет 256 с., из которых основной текст изложен на 221 с., библиографический список занимает 35 с. Библиографическая часть включает список использованных источников отечественных и зарубежных авторов (343 позиции), список публикаций соискателя (59 позиций). В Приложениях представлены сводные таблицы по показателям текстовой деавторизации в медиатекстах на английском и белорусском языках (Приложение А), а также сведения о внедрении результатов исследования (Приложение Б). Таблицы (3) и Рисунки (32) представлены непосредственно в тексте и занимают 15 страниц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В первой главе диссертации «**Основные категории медиатекстов в лингвистических исследованиях**» обобщаются результаты теоретического осмысления проблемы выделения текстовых категорий в современном языкознании. При определении перечня категорий медиатекстов, которые объединены первоначальным авторством передаваемой информации, опора осуществляется на сущностные признаки медиатекстов: массовость, надежность источников, фактологическая основа, доказательность, вторичность, динамичность. Авторство при этом интерпретируется как смысловой компонент модусной рамки высказывания, содержащий указание на субъект сведений в ссылочных конструкциях, репрезентирующих авторское «я» или чужой дискурсивный голос. Дискурсивные голоса в модусной рамке объединяют пять категорий: авторизацию (квалифицирующую, восприятия, обнаружения), которая предполагает указание в качестве источника информации конкретного лица или группы лиц; деавторизацию, которая предусматривает ссылки на анонимные, неопределенные или размыто-обобщенные источники; эвиденциальность (прямую, инференциальную, косвенную, слухов), которая учитывает способ документирования источника сведений; интертекстуальность (цитатную и автоинтертекстуальность), которая позволяет встраивать в создаваемый медиатекст интертексты разных повествующих субъектов; достоверность (коммуникативную и фактическую), которая соотносится с возможностью верификации сведений первоисточника.

В теоретической главе раскрывается сущность выявленных текстовых категорий. Так, авторизация, деавторизация и эвиденциальность как модусные категории предполагают наличие дополнительного структурно-семантического плана, содержащего указание на субъект сведений, который выступает способом документирования источника и носителем ответственности за сообщаемую информацию. При этом субъект конструкций авторизации является идентифицируемым адресатом, субъект конструкций деавторизации не подлежит идентификации адресатом, а субъект эвиденциальных маркеров не демонстрирует зависимости от этих параметров. Интертекстуальность, единицей реализации которой является интертекст, представляет собой глобальную категорию, поскольку порождение любого текста содержит следы других текстов, на которые новый текст опирается прямо или косвенно, причём тип субъекта ссылочной конструкции предоставляет или не предоставляет возможность установления связи текста-реципиента с текстом-донором. Достоверность как категория информативно-квалификативного оппозитивного типа в медиатекстах подразделяется на фактическую (которая обеспечивается надежностью источника информации, объективным изложением и относится к

сообщаемым сведениям, соответствующим действительности и поддающимся верификации) и коммуникативную (в соответствии с которой информация подается как заслуживающая доверия без проверки). Использование верифицируемых источников, как правило, является гарантией передачи достоверных сведений.

Во второй главе «**Субъектная референция в ссылочных конструкциях медиатекстов**» рассматриваются субъекты ссылочных конструкций изучаемых медиатекстов в *референтном* и *нереферентном* употреблении.

Референтное употребление в исследуемых текстах гарантирует идентификацию субъекта ссылочной конструкции читателем и эксплицируется при помощи: а) имен собственных, которые выполняют номинативную функцию и обладают свойством единичной референции независимо от условий коммуникации (*Heiner Linke believes; Стыў Уіткаф сцвярджае*); б) имен нарицательных, которые используются в функции обозначения с детерминативами, сужающими область референции до конкретного субъекта (*the Department for Education spokesman announced; кіраўнік Мінлясгаса заявіў*); в) дейктических элементов, ориентированных на конкретного референта или референтов (*I; you; [Professor Tim Orchard] – he said; я лічу; вы мяркуеце; [прэм'ер-міністр краіны] – паводле яго слоў*).

Нереферентное употребление может быть обобщенным и неопределенным. *Обобщенная* субъектная референция в изучаемых текстах имеет место тогда, когда имеется соотнесение с группой с размытыми границами, при этом субъект выражается: а) существительным (или субстантивированным прилагательным в белорусском языке) во множественном числе в коллективном значении (автономно или в сочетании с собирательными выражениями *a number of, most of, a score of / шэраг, большасць, усё больш, больш за*) (*a number of senior Conservative figures demanded; незадаволеныя пагадненнем аб распрацоўцы газавых радовішчаў сцвярджалі*); б) существительным в единственном числе в родовом или коллективном (метонимичный субъект) значении (*Europe has seen; наёмны працаўнік ведае*); в) местоимениями, местоименными выражениями со значением всеобщности / собирательности автономно или совместно с распространителями (*Everyone who has experienced failure knows; многія ўспрымаюць*); г) локативными детерминантами, выступающими как субъектные синтаксемы (*in elite circles in Beijing ... are spoken of; у Польшчы гавораць*); д) дейктическими элементами, ориентированными на обобщенно-собирательного субъекта (*for all of us; [махляр] – ён наведамляе*).

Неопределенная субъектная референция предполагает невозможность опознаваемости адресатом и соотносится с языковым выражением, обозначающим неопределенное лицо / круг лиц посредством:

а) неопределенных местоимений, употребленные автономно или в сочетании с существительными (*some American politicians say; адзін з удзельнікаў акцыі заявіў*); б) третьеличных нулей, т. е. подразумеваемых субъектов, которые синтаксически не выражены (...*ø is estimated; ø лічыцца*); в) дейктических элементов, ориентированных на неопределенного субъекта или субъектов (*[one of clients] – she said; [нейкі спадар] – ён вырашыў*); г) неопределенного артикля в значении 'некий' в английском языке (*according to a source close to Kingsley*).

Помимо распределения дискурсивных голосов в ссылочных конструкциях по критерию референтности / нереферентности, существенными являются и другие основания их дифференциации. Так, в соответствии с грамматической категорией лица субъекты делятся на *перволичные, второлличные, третьеличные*; критерий экспертности позволяет различать *экспертные и неэкспертные* субъекты; (не)существование субъекта в действительности служит основанием разграничения *эмпирических и гипотетических* субъектов. Разделение субъектов на разные группы по указанным критериям имеет значение для установления реализуемых ими прагматических задач в изучаемых текстах и типа их междискурсивного взаимодействия.

Перволичный дискурсивный голос в *референтном* статусе вводит субъективное мнение журналиста или иного повествующего субъекта либо придает весомость сообщаемому в случаях с авторитетными говорящими. Употребление в ссылочных конструкциях перволичного дискурсивного голоса в *нереферентном* статусе способствует совещательной аргументации, создает совместную с читателем реальность, масштабирует собственные наблюдения / выводы и подает их от имени плюрализованного субъекта.

Второлличный дискурсивный голос в *референтном* статусе наряду с констатацией факта предыдущего речевого действия (*you said that; вы казалі*) обращается к дискурсу собеседника для акцентирования согласованности / противоречивости в предыдущих высказываниях. Второлличный дискурсивный голос в *нереферентном* статусе в ссылочных конструкциях может подчеркнуть расхождение между заявленным ранее и реальным положением дел.

Третьеличные дискурсивные голоса в *референтном* и *нереферентном* употреблении реализуют в медиатекстах различные задачи. Экспертные субъекты, которые могут быть индивидуализированными, коллегиальными, документальными, медиаисточниками, способны активировать коммуникативный прием «ссылка на авторитет». Благодаря таким ссылкам наблюдается взаимодействие *медийного* и *официально-делового дискурсов*, которое представляет собой инкорпорирование в медиатекст фрагментов выступлений / заявлений / сообщений государственных и общественных деятелей. Метонимичные субъекты, репрезентирующие экспертные

организации, официальные органы, ведомства, службы, подчеркивают институциональный характер и компетентность источника. Ссылки на медиаисточники (новостные порталы, информационные агентства, СМИ), отличные от публикующего издания, позволяют журналисту соблюсти авторские права. Конструкции с авторитетными субъектами-учёными позволяют осуществить взаимодействие *медийного* и *научного дискурсов*, которое зачастую представляет собой авторизированный пересказ научного исследования в результате компрессии оригинала, способствуя информативности медиатекстов и популяризации научных данных. Трансферизация знаний из научного в медиадискурс может маркироваться и конструкциями с субъектом в форме документального источника, в результате чего создается эффект нейтрального, объективного голоса. При ссылках на писателей / поэтов осуществляется взаимодействие *медийного* и *художественного дискурсов*, вследствие чего реализуются одновременно аргументативная и эстетическая функции.

Неэкспертные субъекты в ссылочных конструкциях изучаемых текстов характеризуются различной степенью детализации, выполняя функции засвидетельствованности (если выступают в качестве очевидцев или участников событий), акцентирования типичности / репрезентативности мнения / опыта некоторой группы людей (к примеру, медиков или пенсионеров и т.п.) или интимизации повествования через личный опыт говорящего (в таком случае сингулярного субъекта). Обращение к мнениям неспециалистов позволяет *медийному* дискурсу взаимодействовать с *обиходно-бытовым*: высказывания, подаваемые в медиатекстах от их имени, как правило, характеризуется общеупотребительной бытовой лексикой и неосложненным синтаксисом. В группе неэкспертных субъектов выделяются нереферентные субъекты следующих типов: сокрытые (анонимные) субъекты и субъекты слухов, которые способны выполнять разные функции от заполнения информационного вакуума до распространения выгодной определенным лицам информации без раскрытия её происхождения; субъекты в конструкциях со значением общеизвестности, которые способны акцентировать общеизвестность в результате ссылок на проверенные временем истины / традиции / коллективный опыт, придавать сообщаемому универсальность и значимость; подразумеваемые субъекты, которые могут выступать инструментами дистанцирования журналиста или нейтральной констатации факта сообщения.

Упомянутые экспертные и неэкспертные субъекты могут рассматриваться как эмпирические и противопоставляться гипотетическим на основе критерия физического существования / несуществования субъекта. Гипотетические субъекты всегда нереферентны и представлены в исследуемых текстах двумя разновидностями. Первый вид включает воображаемых субъектов, которые позволяют говорящему строить коммуникацию от их имени, в результате чего

происходит введение в повествование додуманной чужой речи, предоставляя адресанту содержательную свободу в выражении своей точки зрения: *If someone was here from the government, they'd say, we're constantly talking to business... The moment you suggest changing anything, somebody, many people, will say 'no, no, no, leave it as it is'* (The Economist, 26.04.2023). Второй вид несуществующих субъектов представлен персонажами художественных произведений, которые являются продуктом творческой фантазии писателя / поэта: *Увогуле дзіўна тасуецца калода, як казаў булгакаўскі персанаж* (Звязда, 11.07.2013).

При использовании разных средств выражения субъектов сведений в составе референциальных цепочек может возникнуть референциальный конфликт, т.е. ситуация, при которой в пределах текущего дискурсивного фрагмента адресат может отнести использованное говорящим средство к нескольким референтам, активированным в его рабочей памяти. Несмотря на то, что в изучаемых текстах субъекты сведений, как правило, демонстрируют однозначное соотнесение благодаря анафорическим связям, все же при наличии определенных грамматических и семантических оснований они обладают референциальной конфликтогенностью в случаях наличия субъектной альтернативы на протяжении всего текста из-за грамматических категорий рода и числа у антецедента и анафорического местоимения, а также употребления контекстуального гиперонима, который может соотноситься одновременно с несколькими активированными гипонимами. В медиатекстах референциальный конфликт может разрешаться благодаря социокультурному (с помощью фоновых знаний) или лингвистическому (с учетом категорий когерентности / когезии, тематической доминанты и семантических факторов) контексту: *Яраслаў Качыньскі не ўтойваў свайго задавальнення і цытаваў амерыканскага пісьменніка Марка Твена, які аднойчы сказаў: «Паведамленні аб маёй смерці моцна перабольшаныя». Паводле яго слоў, цяпер кансерватары павінны засяродзіцца на выбарах у Еўрапарламент* (Звязда, 10.04.2024).

Выбор способа номинации субъектов сведений в медиатекстах осуществляется в соответствии с четырьмя **субъектно-референциальными стратегиями**, которые соотносятся с эмпирическими или гипотетическими субъектами. Широко представленной в изучаемых текстах является стратегия сохранения тождественности референциального статуса, которая предполагает отсутствие изменений в референциальном статусе субъектов ссылочных конструкций в составе одной референциальной цепочки. Данная стратегия реализует доминантную функцию делегирования ответственности за сообщаемое и может встречаться как самостоятельно, так и в сочетании с иными стратегиями.

Стратегия вуалирования субъектной референции строится либо на несовпадении референции для адресанта и адресата (различиях в фонде знаний

собеседников), либо на апелляции к осведомленности адресата в случае не прямой отсылки к объекту действительности. Несовпадение субъектной референции для адресанта и адресата может быть обусловлено нежеланием говорящего по разным причинам указывать конкретное лицо, которое известно автору высказывания, для привнесения в медиатекст личного отношения к проблеме с наглядной иллюстрацией: *Гэтую гісторыю мне раскажаў знаёмец, які да катастрофы на Чарнобыльскай АЭС жыў на Магілёўшчыне. Далей – з яго слоў...* (Звязда, 14.12.2023). Вуалирование субъектов в медиатекстах, предопределенное разным фондом знаний собеседников, фиксируется и в функции сокрытия, когда источник информации известен журналисту, но не идентифицируется читателем, что может быть следствием условия источника о сохранении конфиденциальности и вербально маркироваться в медиатексте: *Two sources with knowledge of the case confirmed Thursday's indictment by Federal Police for allegedly falsifying his COVID-19 vaccination certificate. Both officials spoke on condition of anonymity* (Time, 04.07.2024). В белорусскоязычных медиатекстах такое употребление не встречается (за исключением опосредованных ссылок через другое издание типа *ананімныя крыніцы, на якія спасылаецца ВВС*), однако в художественно-публицистических жанрах вуалирование может происходить путем изменения имени собственного в ссылочной конструкции, которая вводит личную историю, как правило, с поучительным потенциалом: *Ніна, назавём яе так, усё прадумала, у галаве склала план, ну і падбіла сяброўку...* (Звязда, 12.01.2022). Апелляция к осведомленности адресата демонстрирует такой тип вуалирования субъектной референции, который может потребовать от читателя разгадки не только с привлечением фоновых знаний, но и, возможно, с помощью дополнительных поисковых усилий в разных источниках: *Somebody wise once said success has many fathers but failure is an orphan* (Time, 3.09.2021); «Нішто так не небяспечна для любой краіны, як абьякавасць народа». *Так сказаў адзін вядомы пісьменнік і меў абсалютна рацыю* (Звязда, 01.06.2023).

Стратегия перехода от нереферентного статуса к референтному основывается на сужении референциальной области субъектов сведений, при котором в пределах текста обобщенная референция сменяется конкретной, но референциальный объем субъектов при этом не эквивалентен: *Filling out paperwork and paying for compliance lawyers are burdensome extra costs, banks say. Small banks complain that federal regulation is contributing to a decline in their numbers. It's an issue that resonates with Iowa bankers, says John Sorensen, president and CEO of the Iowa Bankers Association* (Time, 21.05.2015). Сужение референциального объема до одного говорящего может иметь разные эффекты: от точного цитирования и передачи сведений до одностороннего освещения

вопросов с «отфильтровыванием» как самих говорящих субъектов, так и сказанного ими с возможностью интерпретационной передачи их слов.

Конструирование субъектной референции представляет собой стратегию, основанную на *гипотетической* субъектной референции с опорой на мыслимые, возможные, неэмпирические субъекты, которая предполагает: а) манипулирование (актуализацию удобных говорящему стереотипов, приклеивание ярлыков и др.): *Democrats say that it is racist. Well, they say it's racist to do anything. I had a diet Mountain Dew yesterday and one today and I'm sure they're going to call that racist, too* (The Guardian, 23.07.2024); б) контраст или фон для введения либо экспертной, либо собственной точки зрения, которая находится в более сильной коммуникативной позиции, что создает интересное взаимодействие контрдискурса, поддерживаемого предполагаемым оппонентом, и дискурса, поддерживаемого автором: *And, while some would argue that the UK's population has been growing, we can not really claim economic success* (The Times, 22.12.2024); в) идейно-проблемное или эстетическо-игровое обогащение медиатекста: *Don Quixote says his quest is to destroy injustice* (The Guardian, 13.02.2003); *Вядомы літаратурны персанаж Астан Бэндэр сьвярджаў, што ёсць 400 параўнальна сумленых спосабаў адабрання грошай у насельніцтва* (Маяк Прыдняпроўя, 07.09.2017).

Третья глава «**Значимость субъектной референции для категорий современных медиатекстов на английском и белорусском языках**» посвящена сравнительно-сопоставительному анализу функционирования ссылочных конструкций с субъектной референцией при реализации текстовых категорий, сопряженных с авторством сообщаемого.

Референтный перволичный субъект в ссылочных конструкциях манифестирует только категорию *авторизации* при введении пропозиций оценочного характера и наличии перцептивных глаголов в эпистемическом значении: *I saw and heard the true horror of war* (The Times, 31.01.2023); *І, як мы бачым на Захадзе, рыторыка таго ж Трампна стала нават больш цынiчнай* (Звезда, 21.01.2025).

Синкретичная реализация *авторизации*, *прямой эвиденциальности* и *достоверности* фиксируется при засвидетельствованности и соблюдении условия искренности: *On the Continent, I saw they didn't refrigerate Tropicana* (The Times, 18.04.2023); *Вось тут я на свае вочы пабачыў, як упэўнена гэты чалавек паважаных гадоў кіруе машынай* (Літаратура і мастацтва, 11.02.2022).

Если говорящий озвучивает собственные выводы, актуализируя себя как субъекта инференции на основании мнений, предположений, фактов или личного знания / опыта, то подобные контексты демонстрируют нерасчлененность значений *авторизации* и *инференциальной эвиденциальности*: *I know from experience in government that hedging risks is not a priority for public*

officials (The Economist, 25.05.2021); **Па сабе ведаю, што такі падыход заўсёды дае вынік** (Звязда, 03.05.2023).

Авторизация и автоинтертекстуальность манифестируются в случаях с автоцитатами, когда говорящие обращаются к собственным текстам при порождении нового текста с активацией опознавательных сигналов автоинтертекстов, где в качестве факультативных элементов автоинтертекстуального сигнализирования могут выступать локативный, темпоральный детерминанты и/или детерминанты образа действия: ***I meant what I said in the press conference...*** (The Economist, 12.05.2022); **Я ўжо неаднаразова казаў, што калі раней спорт быў проста з элементамі палітыкі, то зараз цалкам стаў палітыкай** (Звязда, 30.01.2023).

Нереферентный перволичный субъект реализует только категорию *деавторизации* в контекстах вневременного или оценочного характера: ***We've seen our European friends do it for years*** (The Times, 18.04.2023); **Мы бачым новыя рызыкі і выклікі на захадзе Саюзнай дзяржавы** (Звязда, 12.09.2021).

Употребление в ссылочных конструкциях перволичного дискурсивного голоса в нереферентном статусе манифестирует наряду с *деавторизацией* и *инференциальную эвиденциальность* в контекстах, содержащих вывод на основе опыта: ***...we know from experience that they can indicate an imminent result*** (The Economist, 3.11.2021); **Мы за гады працы вывучылі розны вопыт і разумеем, што ў кожнай краіны свой шлях** (Звязда, 29.04.2023).

В результате использования **референтного второличного субъекта** в жанре интервью обнаруживается синкретичная реализация *авторизации, косвенной эвиденциальности, цитатной интертекстуальности и достоверности*, при котором источником «чужой» (не авторской) информации является собеседник: ***You say in the book: "Except on law and order I am by instinct a liberal." Why?*** (The Guardian, 1.09.2010); **Надзея Мікалаеўна, вы скончылі Пінскі ўлікова-кредытны тэхнікум. Чвэрць стагоддзя адпрацавалі ў банкаўскай сістэме... Як вы пішаце самі, аднойчы раскрылася «акно ў вялізарны свет творчасці...»** (Беларусь сегодня 19.08.2019).

В случаях использования в ссылочных конструкциях **нереферентного второличного субъекта** в собирательном значении, что встречается при обращении к массовому адресату, а не конкретному собеседнику, или при конструировании возможного диалога с собеседником, фиксируется только категория *деавторизации*: ***When you want to get people's attention, you often talk about the remaining problem*** (The Telegraph, 13.09.2017); **...гэтыя словы ўсё ж маюць сваесэнсавыя нюансы. Вы скажаце «цяжкі падлетак», але не скажаце «цяжкі тынэйджар»** (Звязда 25.02.2024). Отсутствие факта речевого действия, вневременной характер или гипотетичность сообщения в таких контекстах

предопределяет невозможность установления достоверности, а также отсутствие цитатной интертекстуальности и косвенной эвиденциальности.

Ссылочные конструкции с **референтным третьеличным субъектом** вне передачи прямой или косвенной речи и/или сообщаемой фактуальной пропозиции реализуют только *авторизацию* без экспликации значений других категорий: *The royal college has refused to back down* (The Guardian, 25.11.2022); *Президент Ізраїля виступає супроти реформи* (Звезда, 19.03.2023).

При передаче прямой или косвенной речи референтных третьеличных субъектов такие конструкции одновременно репрезентируют *авторизацию, косвенную эвиденциальность, цитатную интертекстуальность, фактическую и коммуникативную достоверность* (в случае нераспространения ложной информации): *The movement of boxes has taken on added significance for prosecutors ..., the Washington Post reported* (The Guardian, 30.05.2023); «У апошніх 20-30 гадоў краіна ў цэлым вельмі выразна і рэзка рухалася да наслаблення законаў аб нашэнні зброі», – *заўважыў прафесар Вашынгтонскага ўніверсітэта Алі Роўхані-Рахбар* (Звезда, 02.04.2023).

Усложнение структуры ссылок с использованием медиаисточника и авторитетного субъекта с возможной опорой на неэкспертного субъекта в медиатекстах демонстрирует сложное взаимодействие упомянутых категорий (ссылки на авторитетных референтных субъектов указывают на авторизацию и эвиденциальность; цитатная интертекстуальность обеспечивается инкорпорированием фрагментов текстов-доноров; упоминание результатов исследований / опросов в компрессионном виде свидетельствует о достоверности) и *деавторизации* (благодаря нереферентному первоисточнику): *They have taken stances that appear more pragmatic given that only one-third of Americans call themselves liberals, according to polling provided to The Economist by YouGov* (The Economist, 8.04.2020); *PR Newswire наведміла: пазарпартыйнае апытанне More Perfect перад прамежкавымі выбарамі наказала, што 86 працэнтаў выбаршчыкаў заявілі: дэмакратыя ў ЗША сутыкаецца з вельмі сур'ёзнымі пагрозамі* (Звезда, 02.04.2023).

Конструкции с **нереферентными третьеличными субъектами** реализуют только категорию *деавторизации* без экспликации значений других медиатекстовых категорий при использовании конструкций с гипотетическим субъектом: *Most fair-minded observers would say that an independent UK foreign policy has really been important* (The Economist, 12.05.2022); *...віртуальны знаёмы просіць у вас грошы: маўляў, прадавай машыну/кватэру/дом, у нашай агульнай будучыні купім лепшыя* (Звезда, 15.06.2023).

При передаче речи нереферентных субъектов манифестируются категории *деавторизации, косвенной эвиденциальности и цитатной интертекстуальности*: *A source familiar with the prime minister's thinking said:*

“*The pandemic has changed the nature of travel...*” (The Times, 2.10.2023); «*Я тут, каб пратэставаць супраць рэформы ў законе...*», – *гаворыць адна з пратэстоўцаў* (Звязда, 19.03.2023).

В контекстах с нереферентными авторитетными дискурсивными голосами вне передачи чужой речи *деавторизация* сочетается с *коммуникативной достоверностью*, поскольку у адресата создается доверительное отношение к передаваемому мнению благодаря семантике лексической единицы со значением экспертности, но фактическая достоверность не фиксируется: *Some observers had thought Mr Xi would take China in the opposite direction* (The Economist, 23.02.2019); *Эксперты лічаць, што інцыдэнт з забойствам падлетка стаў трыгерам для выказвання прэтэнзій да ўлады...* (Звязда, 09.07.2023). Аналогичная категориальная репрезентация относится к ссылкам на опыт и общественно-историческую практику с тем лишь отличием, что реализуются обе разновидности достоверности: *History suggests that investors are right to expect central banks to come to their rescue...* (The Times, 23.08.2022); *Вопыт іншых краін наказвае, што лепшага за хларыд натрыю няма...* (Звязда, 21.08.2024).

Конструкции с нефиксированным авторством, маркирующие введение прецедентных текстов (легенд, песен, сказаний, пословиц или крылатых выражений), демонстрируют нерасчлененность значений *деавторизации*, *цитатной интертекстуальности* и *косвенной эвиденциальности*: *According to legend if two more were to die the tower and the kingdom would fall* (The Guardian, 14.01.2021); *Age, they say, brings wisdom* (The Economist, 9.01.2024); *Менавіта пра такое каханне распавядае адна з купальскіх песняў...* (Звязда, 9.04.2015); *Нездарма кажучь, што рух – гэта і ёсць жыццё* (Звязда, 1.07.2013).

В англоязычных текстах при ссылках на некие документы, подлинность которых невозможно проверить, в конструкциях типа *according to leaked files / papers*, реализуется *деавторизация*: *The allies of the US in the Middle East agreed to undermine western intelligence, according to files shared on social media; The leaked papers reveal how the UAE is also flirting with Russia* (The Times, 11.04.2023). Ссылка на неverified документы может сопровождаться маркером *инференциальной эвиденциальности*, посредством которого журналист выражает предположение в отношении их происхождения: *Some of the documents, apparently photocopies of printouts of intelligence briefs, renew serious allegations made previously...* (The Times, 11.04.2023).

В случае ненадежных источников эксплицируются значения *деавторизации*, *косвенной эвиденциальности* или *эвиденциальности слухов*, *цитатной интертекстуальности* и не устанавливается категория достоверности, поскольку абсолютно достоверными слухи не бывают: *Among the rumours that have spread rapidly on social media are that Covid-19 originated...* (The Times, 10.03.2020); *У сацсетках пішуць, што беларусаў разгортваюць*

нават пры наяўнасці запрашэння... (Звязда, 04.04.2021). Если в медиатексте упоминается *референтный* «виновник» порождения / распространения слухов, дополнительно фиксируется категория *авторизации*: *A bomb threat in Springfield, Ohio, came after **Trump** repeated baseless rumor about immigrants “eating pets”* (The Guardian, 13.09.2024).

Несколько отличающимися от контекстов с субъектами слухов в отношении категориальной реализации являются ссылочные конструкции с сокрытым субъектом, вследствие употребления которых *достоверность* демонстрирует вариативность: если в результате верификации передаваемых сведений оказалось, что сообщаемое соответствует действительности, фактическая достоверность сообщения все равно снижается по параметру неточности языковой номинации источника; если в силу объективных причин верифицировать высказывание невозможно, то существует риск того, что от имени сокрытого субъекта транслируется недостоверная информация: *The strategy, according to people familiar with the matter, has included opening new legal battles to try to prevent Harris from accessing Biden’s funds* (The Guardian, 24.07.2024). Возможность сообщения как достоверной, так и недостоверной информации от имени сокрытых субъектов в медиатекстах на английском языке объясняется социокультурной спецификой: для британских и американских СМИ допустимым является платная журналистика, когда издания платят своим источникам за ценную (конфиденциальную) информацию.

Учет структурных типов ссылочных конструкций (субъектно-предикатные, предикатные с подразумеваемым субъектом, предложно-падежные и номинализованные), семантико-референциальных разновидностей субъектов сведений (референтные vs нереферентные, экспертные vs неэкспертные), а также характера пропозиции (нейтральная, фактуальная vs оценочная, интерпретативная, прогностическая) в высказываниях, сообщаемых журналистом от имени третьеличных дискурсивных голосов, позволил составить блок-схему алгоритма для создания диалоговых программ распознавания достоверности высказываний медиатекста на основе ссылок (см. рисунок 1).

В четвертой главе «Деавторизация как текстовая категория» обосновывается статус деавторизации как коммуникативно-прагматической категории, которая предполагает интегрирование в текст неидентифицируемых дискурсивных голосов для делегирования ответственности за сообщаемое неопределенным или обобщенно-сбирательным субъектам. *Единицей* текстовой деавторизации является *деавторизованное предложение*, маркируемое конструкциями деавторизации. Количественный аспект категории отражается в коэффициенте деавторизованности текста, который представляет собой отношение ссылочных конструкций с нереферентными субъектами ко всем ссылочным конструкциям в медиатексте (от 0% до 100%) и рассчитывается по формуле:

$$k_d = \frac{CKS_{\text{нн}} + CKS_{\text{но}}}{CKS_t} * 100\%,$$

где k_d – коэффициент деавторизованности медиатекста, $CKS_{\text{нн}}$ – количество ссылочных конструкций с нереферентным неопределенным субъектом, $CKS_{\text{но}}$ – количество ссылочных конструкций с нереферентным обобщенным субъектом, CKS_t – общее количество ссылочных конструкций с референтными и нереферентными субъектами в тексте.

Расчет коэффициентов для сопоставляемых медиатекстов позволяет констатировать более высокую деавторизованность англоязычных информационно-аналитических статей по сравнению с белорусскоязычными, что объясняется субъектно-референциальной стратегией вуалирования и функцией сокрытия источников, не характерных для белорусскоязычных текстов данного жанра. Значительное превышение деавторизационных показателей в белорусскоязычных интервью по сравнению с англоязычными обусловлено стремлением отечественных интервьюируемых к плюрализации собственного мнения путем употребления нереферентного перволичного субъекта в ссылочных конструкциях, в то время как англоязычным интервью присуща высокая концентрация референтных перволичных субъектов. Белорусскоязычные художественно-публицистические тексты являются более деавторизованными, чем англоязычные, что объясняется более интенсивным использованием в этом жанре стратегий вуалирования и конструирования.

Качественный аспект категории деавторизации характеризуется наличием двух разновидностей: нейтральной и оценочной, а также разных субъектных моделей.

Нейтральная деавторизация сводится к маркировке самого факта сообщения заимствованных сведений и может репрезентироваться при помощи бессубъектных конструкций с безоценочным глагольным компонентом: *Раней стала вядома, што 22 еўрапейскія краіны накіравалі ліст у Еўракамісію* (Звезда, 13.03.2024); бессубъектных конструкций с семантикой общеизвестности при условии наличия в пропозиции общеизвестных сведений истинностной природы, для которых модус знания логичен: *It is common knowledge that malaria*

is the major cause of deaths in Africa (The Guardian, 21.03.2013); конструкций с сокрытыми, анонимными субъектами при условии, что от их имени передаются сведения безоценочного характера: *Ананімныя крыніцы ў брытанскім урадзе, на якія спасылаецца BBC News, пацвердзілі факт перамоў* (Звязда, 27.02.2007).

Оценочная разновидность предполагает наличие эксплицитной оценки в самой конструкции деавторизации, в пропозиции или одновременно в конструкции и пропозиции. В исследуемом материале оценка, которая содержится в конструкции, как правило, сопровождается оценкой и в пропозиции, тем самым демонстрируя смешанный характер локализации. В свою очередь в материале исследования обратная зависимость не наблюдается: оценочная пропозиция не обязательно соотносится с оценочной конструкцией. Наибольшую сложность представляет то, что не всегда очевидно, от чьего имени подается оценка в деавторизованном высказывании: от нереферентных субъектов или от журналиста, или происходит комплексная подача такой оценки в результате полифонии повествующих голосов с результирующим наложением оценочных смыслов, передаваемых разными субъектами.

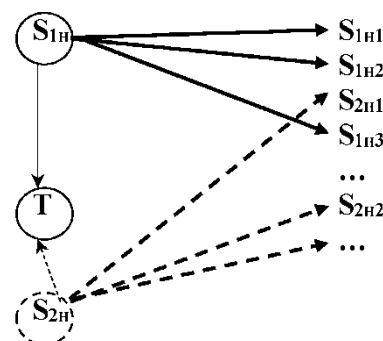
В случаях, когда оценка содержится в самой конструкции деавторизации, она репрезентируется эксплицитными языковыми маркерами в модусной рамке и может относиться к субъектному или предикатному компоненту: *Puppet officials reported that it had been hit...* (The Economist, 5.06.2023); *Хтосьці з разумных сказаў, што для дасягнення пастаўленай мэты дзелавітасць патрэбна не менш, чым веды* (Беларусь сегодня, 10.12.2022); *У самым пачатку візіту Байдэн павітаўся з прынцам..., за што яго жорстка раскрытыкавалі* (Звязда, 24.07.2022). Эксплицитная оценка журналиста может быть локализована только в пропозициональной части, когда а) субъект фактивной конструкции со значением общеизвестности вводит пропозиции не истинностного ранга: *It is a truth universally acknowledged that when it comes to marriage, Britain is a bit odd* (The Economist, 5.03.2022); б) перволичный дискурсивный голос совместно с предикатом, употребленным в эпистемическом значении, выступает коллективным субъектом оценки: *Мы ўбачылі, што на ўсім свеце пачалі закрывацца нібыта незалежныя СМІ...* (Звязда, 7.02.2025); в) субъекты социальных сетей и субъекты слухов маркируют информацию различной степени языковой и смысловой трансформации по отношению к первоначально сказанному или в сопоставлении с действительностью. Локализация оценки в конструкции и пропозиции фиксируется при использовании гипотетических дискурсивных голосов: *It has been three years since the outbreak of the euro crisis, and only an inveterate optimist would say that the worst is definitely over...* (The Guardian, 06.12.2013). Наложение журналистской интерпретации на оценку нереферентного субъекта наступает в результате пересказывательности с разной степенью трансформации первоначальной версии сказанного не

идентифицируемым читателем субъекта, который известен журналисту: *A source said that after years of negotiations the bank felt it was reaching “the end of the road” in the relationship* (The Times, 07.06.2023). Кроме того, наслоение оценочных смыслов в медиатекстах происходит, если оценка в пропозиции соотносится с нереферентным субъектом конструкции деавторизации, которая в свою очередь оценивается журналистом (типа *experts correctly suggest / многія памылкова лічаць*). При этом эксплицированная оценка журналиста может выходить за рамки деавторизованного высказывания и располагаться в непосредственной близости с ним: *Developers assume, mostly correctly, that they can sell what they build* (The Economist, 23.02.2019); *Усе сыходзяцца ў адным – амерыканская валюта губляе давер у яе трымальнікаў. На сёння не адкрыццё, а аксіёма для ўсіх* (Звязда, 31.03.2025). В изучаемых текстах конструкции деавторизации с нереферентными документальными источниками вводят объективную оценку, основанную на измерениях и доказательствах: *Two in three retirees who rent privately owned homes live in poverty and the problem will get worse, a new report has found* (The Guardian, 9.02.2025); *Паводле новых даследаванняў дэмографу, цяпер колькасць людзей упершыню ў гісторыі пачне скарачацца на натуральных прычынах* (Звязда, 12.04.2024).

Анализ взаимосвязи субъектов конструкций деавторизации в медиатекстах на английском и белорусском языках позволил выявить шесть **субъектных моделей**. В процессе моделирования приняты следующие символичные обозначения: S_p – референтный субъект, S_n – нереферентный субъект, $S_{но}$ – нереферентный обобщенный субъект, $S_{нн}$ – нереферентный неопределенный субъект, $S_{нон}$ – нереферентный обобщенный инклюзивный (включающий говорящего) субъект, T – объединяющая высказывания повествующих субъектов тема обсуждения. При указании субъектов разных типов в моделях могут использоваться нижние цифровые индексы, например: S_{1n1} . В таких случаях указанное в нижних индексах первое число обозначает порядковый номер субъектной группы, которая представлена в тексте; второе число указывает на порядок субъекта в референциальной цепочке в рамках одной группы либо порядок упоминания в тексте при отсутствии субъектных групп. Для построения прототипичных моделей используются сплошные и пунктирные линии, а также многоточия. Сплошные линии обозначают обязательные конструктивные элементы; пунктирные линии показывают возможность вариации количества и характера распределения в текстовой плоскости; многоточия предполагают наличие дополнительных элементов. Для иллюстрации примеров моделей из конкретных текстов пунктирные линии и многоточия не применяются.

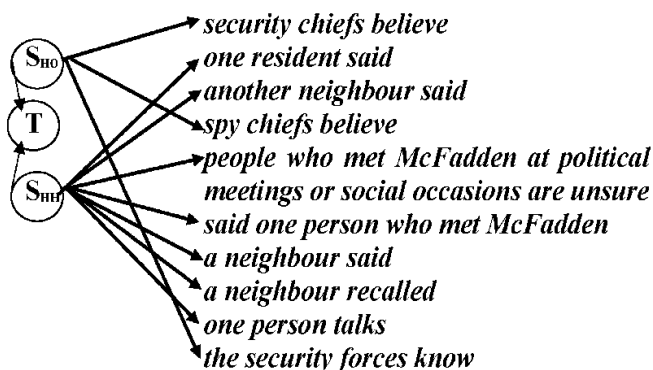
Наиболее распространенной в исследуемых текстах является *кустовая модель* (рисунок 2), которая предполагает наличие ядра – субъектного центра, вокруг которого группируются отдельные нереперентные субъекты на основании критерия семантической близости. Такая модель может быть одно-, двух- или полиядерной и, как правило, отражает коммуникативный перевес в сторону одного из центров или – в случае одноядерной модели – одного представителя субъектного центра.

Рисунок 2 – Кустовая субъектная модель текстовой деавторизации

Одной из наиболее типичных для медиатекстов является двухъядерная кустовая модель (рисунок 3), включающая такие неиндивидуализированные субъектные группы, как «эксперты» – «простые люди» (или «сторонники» – «противники»). В этом случае дихотомия мнений, слов, оценок разных групп обычно имеет в медиатексте неравновесную представленность, которая относится как к разному количеству соответствующих субъектных компонентов каждой группы, так и к степени релевантности: мнение экспертной группы подается как более весомое и носит констатирующий характер, а мнение простых людей может выражаться более развернуто, но подаваться как менее значимое.

Рисунок 3 – Двухъядерная кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Разновидностью кустовой субъектной модели в текстах интервью является модель, в основе строения которой лежит бинарная оппозиция «свои» – «чужие» (рисунок 4). В таком случае интервьюируемый выражает приверженность коллективной и правильной точке зрения «своих», которая противопоставлена ошибочному мнению «чужого» обобщенного субъекта.

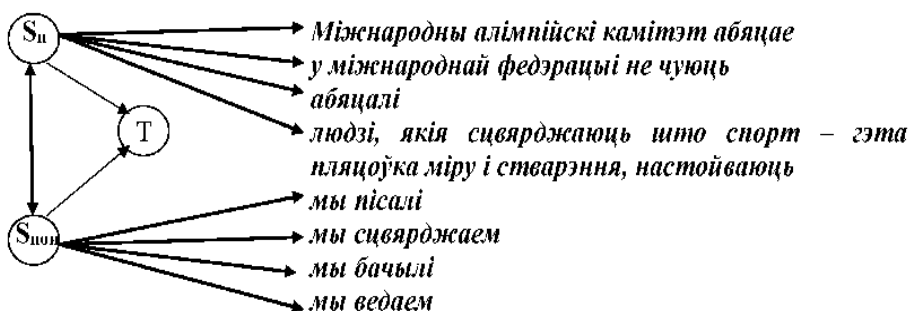

Рисунок 4 – Кустовая субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычном интервью

Центрическая модель строится по принципу «стимул» – «реакция» и включает центральный компонент – референтный субъект – как связующий элемент модели, с одной стороны, и одну или несколько относительно самостоятельных нереферентных субъектных групп, с другой стороны (рисунок 5). В данной модели стимулом являются коммуникативные действия (как правило, публичные заявления) центрального элемента, например, конкретного политика (рисунок 6), которые представляют собой новостной повод, а реакции на стимул констатируются периферийными элементами (неидентифицируемыми субъектными группами).

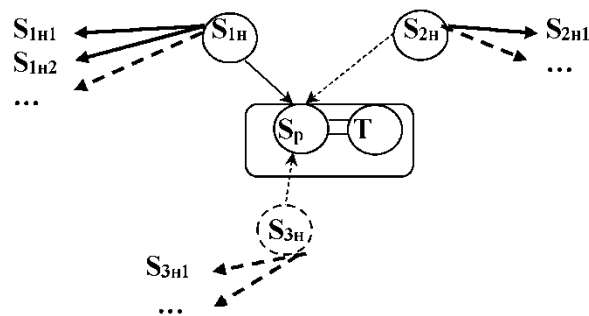

Рисунок 5 – Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации

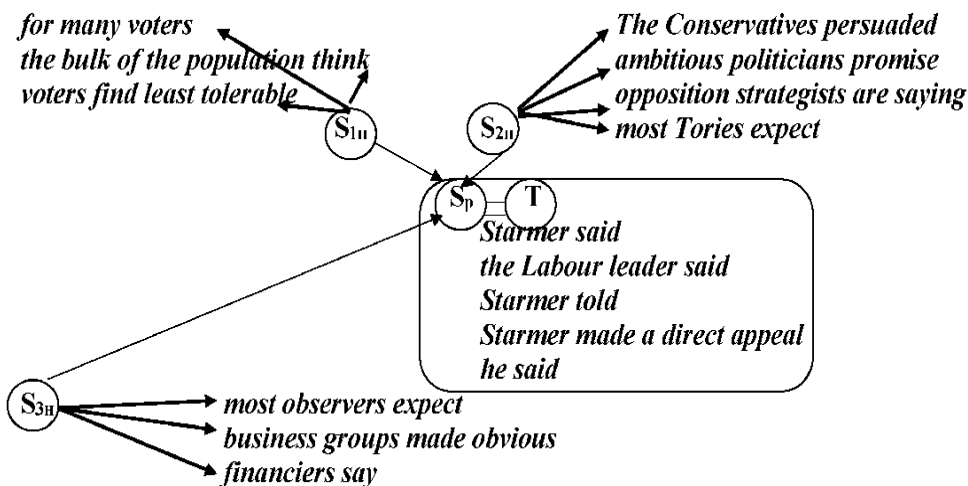
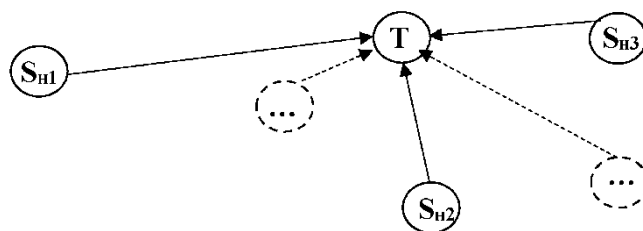

Рисунок 6 – Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Если в предыдущих субъектных моделях наблюдались субъектная когерентность и четкая структурная организация компонентов, то в дисперсной модели (рисунок 7) эти признаки отсутствуют: здесь в относительно свободном порядке в разных частях текста точно расположены различные по наполнению конструкции деавторизации, субъектные компоненты которых не демонстрируют регламентированной структурной организации и не предполагают объединения в группы по семантическому критерию (рисунок 8).

Рисунок 7 – Дисперсная субъектная модель текстовой деавторизации

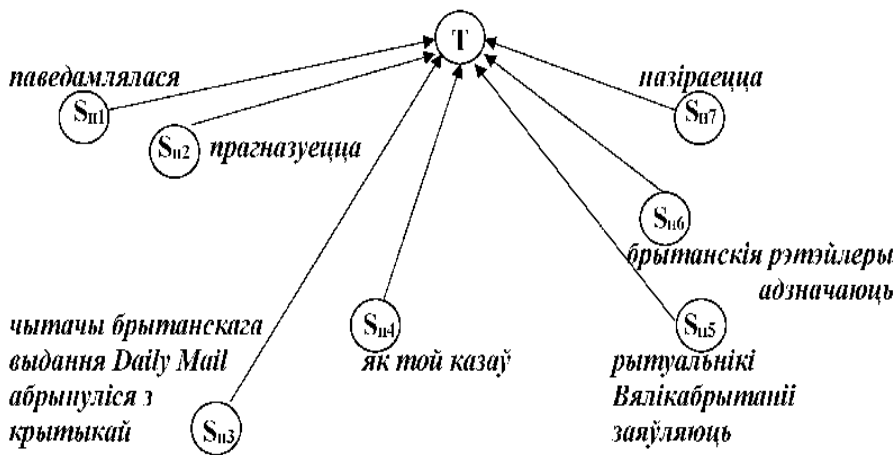

Рисунок 8 –
Дисперсная
суб'ектная модель
текстовай
деавторызавання ў
беларускаязычнай
стат'е

Иерархическая модель (рисунок 9) строится в соответствии со ступенчатой подачей данных от имени нереферентных субъектов различных уровней, связанных отношениями включения по принципу «часть» – «целое», при этом субъект верхнего уровня может включать один или несколько субъектов более низкого уровня, т.е. иерархия строится по вертикальной оси, а ее конструктивные элементы могут получать развертывание по горизонтальной оси (рисунок 10).

Рисунок 9 – Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации

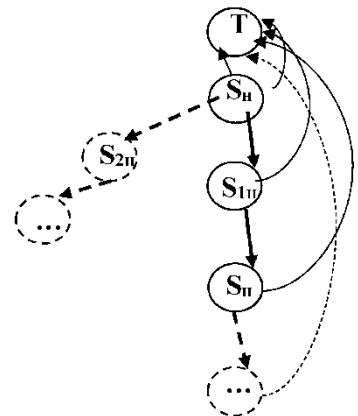
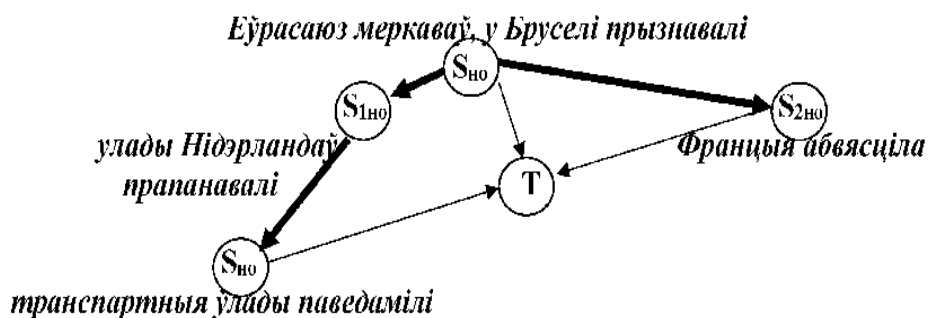
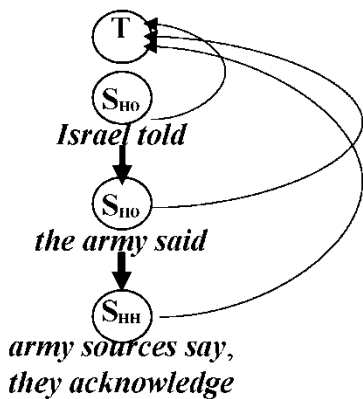

Рисунок 10 – Иерархическая субъектная модель текстовой деавторизации в англо- и белорусскоязычных статьях

В медиатекстах субъектные модели могут комбинироваться, образуя тем самым гибридную модель текстовой деавторизации (рисунок 11). При этом комбинирование, как правило, происходит благодаря иерархической модели, для которой автономная реализация не характерна (рисунок 12).

Рисунок 11 – Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации

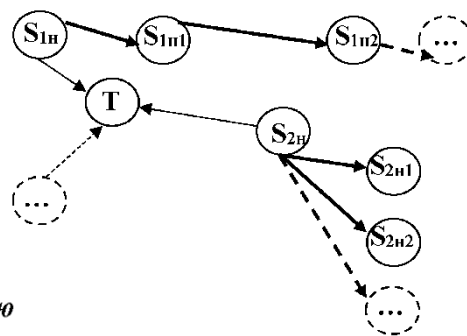
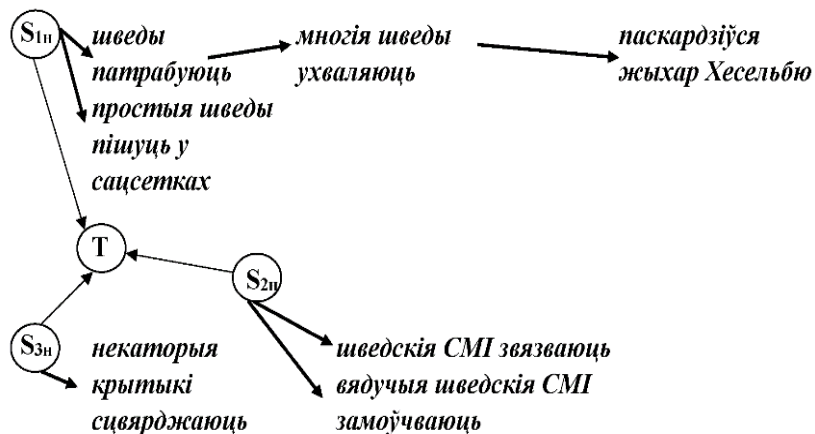

Рисунок 12 – Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье

Рекуррентная модель (рисунок 13) демонстрирует такой вид связи между конструктивными элементами, которая образует повторяющуюся линейную или чередующуюся последовательность субъектных компонентов референциальной цепочки, реализующих единую функцию сокрытия источников информации. Типичным средством субъектного кодирования для данной модели служат существительные *source*, *person* с неопределенным артиклем в значении ‘некий’ или местоимением *one* в том же значении, а также их формы множественного числа *sources*, *people*. Эти номинации могут быть взаимозаменяемы и использованы с распространителями *close to...* + одушевленный конкретный субъект, *familiar with...* или *with knowledge of...* + неодушевленный предмет, которые могут иметь синоним *insider(s)* (рисунок 14).

Рисунок 13 – Рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации

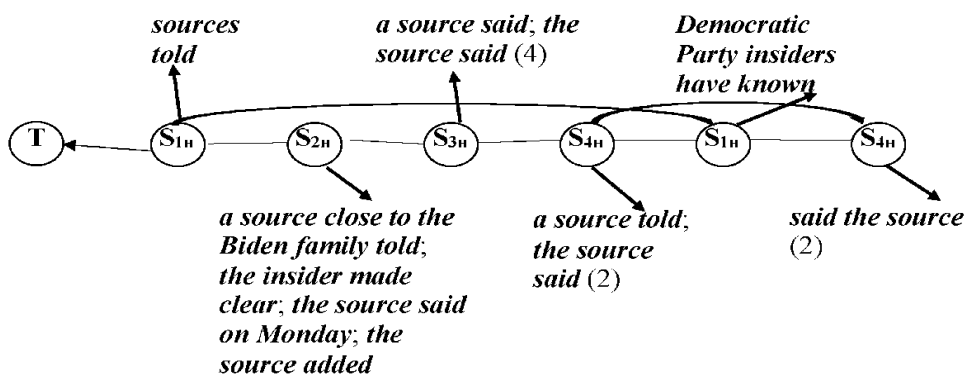
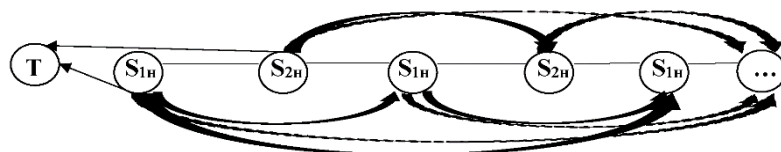

Рисунок 14 – Поликомпонентная рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычной статье

Рекуррентного построения субъектов в функции сокрытия в пространстве всего медиатекста на белорусском языке не обнаружено, а единичные вкрапления схожих конструкций являются, как правило, опосредованными ссылками через другое издание: *Прэзідэнт ЗША прыпыніў усю ваенную дапамогу... Гэтую інфармацыю наведміла амерыканскім СМІ ананімная крыніца з Белага дома. Неназваныя крыніцы агенцтва Bloomberg заявілі аб тым, што паўза працягнецца...* (Звязда, 4.03.2025).

Представленность субъектных моделей демонстрирует сходства в текстах интервью на английском и белорусском языках, в которых отсутствуют иерархическая и гибридная модели, что связано с нецелесообразностью многоступенчатого информирования, основанного на сложной подчиненной структуре дискурсивных голосов. Художественно-публицистические тексты имеют близкие показатели по характеру распределения кустовой, центрической и иерархической моделей, но разную представленность гибридной и дисперсной моделей, что объясняется субъектно-референциальной стратегией конструирования и преимущественно редуцированными средствами выражения в белорусскоязычных текстах этого жанра.

Больше всего различий обнаруживается при сопоставлении информационно-аналитических статей на английском и белорусском языках, для которых схожие количественные данные устанавливаются только в отношении иерархической модели. Различия касаются доминантной субъектной модели текстовой деавторизации: в англоязычных текстах самой распространенной и свойственной только статьям на английском языке является рекуррентная, в белорусскоязычных текстах этой же жанровой разновидности преобладающей моделью является кустовая. Отсутствие в белорусскоязычных статьях рекуррентной модели объясняет увеличенные показатели по дисперсной и гибридной моделям как компенсаторные. Превышение доли центрической модели в статьях на английском языке по сравнению со статьями на белорусском языке более чем в два раза объясняется тем, что в англоязычном коммуникативном медиапространстве высказывания референтных субъектов (известных личностей) чаще, чем в белорусскоязычной медиасреде, создают информационный повод и выступают в качестве стимула для коммуникативных реакций разных субъектных групп. Почти двукратное превышение показателей кустовой модели в белорусскоязычных статьях по сравнению с англоязычными обусловлено ориентацией текстов на белорусском языке на аналитику текущих событий с вербализацией точек зрения разных дискурсивных голосов, в то время как англоязычные тексты данной жанровой разновидности больше нацелены на информирование с учетом широкой сети сокрытых источников, о чем свидетельствует значительная доля текстов с рекуррентной моделью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Основанием для выделения категорий медиатекста, которые связаны с авторством сообщаемой информации, служат такие его сущностные признаки, как надежность источников, фактологическая основа, доказательность, массовость, вторичность, динамичность. Учет этих признаков позволил определить набор медиатекстовых категорий, в манифестации которых участвуют субъекты сведений, а именно категории авторизации, деавторизации, эвиденциальности, интертекстуальности и достоверности. В англо- и белорусскоязычных медиатекстах субъектная референция обеспечивает, во-первых, разграничение категорий авторизации и деавторизации и, во-вторых, актуализацию категорий эвиденциальности, интертекстуальности и достоверности. Для модусных категорий авторизации, деавторизации и эвиденциальности характерно субъектное осложнение предложения указанием на «автора» сообщаемой информации при помощи ссылочных конструкций. При этом субъект конструкций авторизации идентифицируется адресатом, субъект конструкций деавторизации не идентифицируется адресатом, а субъект эвиденциальных маркеров может быть обеих разновидностей. Категория интертекстуальности предполагает процесс взаимодействия текстов в результате включения в текст других текстов или их фрагментов, которые могут быть маркированы ссылочными конструкциями, причём тип субъекта ссылочной конструкции предоставляет или не предоставляет адресату возможность установления связи текста-реципиента с текстом-донором. Категория достоверности в медиатекстах подразделяется на фактическую (относящуюся к качеству сообщаемой адресантом информации) и коммуникативную (предполагающую квалификацию информации адресатом как заслуживающую доверия), при этом употребление верифицируемых источников и объективного информирования, как правило, обеспечивает передачу достоверных сведений [1; 2; 3; 22; 26; 35; 41; 43; 49; 52].

2. В ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных медиатекстов разных жанров доминирует *референтный (определенный)* субъект, выраженный именами собственными или нарицательными (как правило, с детерминативами). *Нереферентный неопределенный* субъект является вторым по представленности во всех жанрах, кроме англоязычных интервью и белорусскоязычных информационно-аналитических статей, и кодируется неопределенными местоимениями в автономном или совместном с нарицательными существительными употреблении и третьеличными нулями без уточнителей (в английском языке также неопределенным артиклем в значении 'некий'). Наименее употребительным во всех жанрах является *нереферентный*

обобщенный субъект, который эксплицируется существительными в единственном или множественном числе в родовом либо собирательном значении (в белорусском языке также субстантивированными прилагательными), местоимениями или местоименными выражениями со значением всеобщности или собирательности автономно или в сочетании с распространителями, а также локативными детерминантами в конструкциях с третьеличными нулями. Кроме того, для всех референциальных типов субъектов используются средства персонального дейксиса.

Референтный перволичный дискурсивный голос может вводить как субъективное, так и объективное (экспертное) мнение. Ссылочные конструкции с *второличным* дискурсивным голосом в *референтном* статусе направлены на уточнение точки зрения или акцентирование противоречий в дискурсе собеседника. *Третьеличные дискурсивные голоса в референтном статусе* осуществляют междискурсивное взаимодействие в форме передачи сообщений государственных или общественных деятелей (включая глав государств, должностных лиц органов управления страны), трансферизации знаний (при помощи ссылок на ученых или результаты исследований), цитирования фрагментов художественных произведений (посредством обращения к высказываниям писателей / поэтов), инкорпорирования дословной или стилизованной разговорной речи (при цитировании идентифицируемых неэкспертных субъектов, очевидцев событий), обеспечивая взаимодействие медиадискурса с официально-деловым, научным, художественным и обиходно-бытовым дискурсами. При передаче сведений от имени авторитетных референтных субъектов создается эффект весомости сообщаемого.

Нереферентный перволичный дискурсивный голос позволяет создавать совместную с читателем реальность и коллективную ответственность за сообщаемое. Ссылочные конструкции с *нереферентным второличным* дискурсивным голосом акцентируют коллективную (включающую собеседника) точку зрения. *Третьеличные дискурсивные голоса в нереферентном статусе* (как и референтные) могут демонстрировать взаимодействие медийного и научного дискурсов посредством ссылок на документальные источники (при отсутствии необходимости их точной экспликации) и способны породить эффект авторитетности (вследствие использования для субъектного кодирования языковой единицы со значением экспертности). Нереферентные субъекты могут участвовать во взаимодействии медийного и художественного (вследствие употребления гипотетических субъектов), а также медийного и разговорного (в случаях с неэкспертными субъектами, которые отражают бытовое, стереотипное представление об обсуждаемой проблеме) дискурсов. При противопоставлении научного и бытового представлений, как правило,

используется референтное употребление для экспертного мнения и нереферентное – для неэкспертного [15; 17; 18; 28; 35; 55; 59].

Кореферентные субъекты способны образовывать *референциальные цепочки* с привлечением *основных* (полных и редуцированных) и *дополнительных* средств кодирования, что – в случаях неоднозначности при установлении анафорических связей из-за наличия субъектной альтернативы – может приводить к *референциальному конфликту*. Референциальный конфликт в англо- и белорусскоязычных медиатекстах возникает в результате возможного соотнесения местоименного средства с несколькими однотипными референтами на основании грамматического рода; различий в категории числа у антецедента и анафорического местоимения и потенциальным соотнесением с иным антецедентом, совпадающим в категории числа с редуцированным средством; употребления контекстуального гиперонима, который соотносится одновременно с несколькими активированными гипонимами. Референциальные конфликты могут оставаться неразрешенными или разрешаться в медиатексте при помощи контекстных факторов [16; 23; 51; 53].

3. В исследуемых медиатекстах референциальный выбор субъектной номинации осуществляется в соответствии с *четырьмя субъектно-референциальными стратегиями*, которые различаются по соотнесенности с *эмпирическими* или *гипотетическими* субъектами, степени самостоятельности и функциональным особенностям, а также демонстрируют *нежесткие корреляции с прагматическими функциями*. Самостоятельными являются соотнесенные с эмпирическими субъектами стратегии *сохранения тождественности референциального статуса* (связанная с передачей ответственности за сообщаемое, точностью маркирования источника для референтного субъекта и ссылкой на авторитет при употреблении единиц со значением экспертности) и *вуалирования субъекта* (ориентированная на укрупнение высказываемого мнения, введение поучительного примера, интимизацию повествования, маскировку признания анонимного источника, апелляцию к осведомленности адресата). Стратегия *перехода от нереферентного к референтному статусу*, в основе которой также лежит эмпирический субъект, согласуется с масштабностью или односторонностью сообщаемого, и стратегия *конструирования*, опирающаяся на гипотетических субъектов, употребляются только совместно с другими стратегиями. Наличие у стратегии конструирования самой широкой функционально-прагматической палитры фиксируется благодаря определенной содержательной свободе в процессе додумывания чужой речи, что может способствовать полемичности медиатекста, усиливать аргументацию, служить фоном для введения собственной точки зрения, реализовать манипулятивные тактики, осуществлять эстетическое воздействие, апеллировать к общему культурному фонду знаний [14; 21; 34; 38; 50; 57; 58].

4. Медиатексты демонстрируют следующие *корреляции субъектно-референциальных и тексто-категориальных характеристик*:

1) *референтный* субъект ссылочных конструкций (благодаря его идентифицируемости, активации субкатегории точности и возможности верификации сказанного) реализует категории *авторизации* (квалифицирующей, обнаружения и восприятия), *эвиденциальности* (всех разновидностей, кроме слухов), *интертекстуальности* (в ее цитатной и автоинтертекстуальной разновидностях с возможностью установления связи с текстом-донором), а также фактической и коммуникативной *достоверности* (при ссылках на экспертные дискурсивные голоса);

2) *нереферентный* субъект ссылочных конструкций реализует категории *деавторизации*, *интертекстуальности* (в цитатной разновидности без возможности обращения к тексту-донору), *эвиденциальности всех типов*, фактической и коммуникативной *достоверности* (только при ссылках на исследования и общественно-историческую практику), *коммуникативной достоверности* (при кодировании субъекта сведений языковой единицей со значением экспертности) и не обеспечивает ни одну из разновидностей достоверности, если субъекты являются источниками с неизвестной репутацией (анонимными пользователями социальных сетей, субъектами слухов).

При введении пропозиций нефактивного характера конструкциями с *гипотетическим* субъектом фиксируется только категория *деавторизации*. При аналогичных коммуникативных обстоятельствах, но с *референтными* дискурсивными голосами манифестируется категория *авторизации*. Синкретизм значений *квалифицирующей авторизации* и *инференциальной эвиденциальности* осуществляется в результате использования конструкций с *перволичными дискурсивными голосами в референтном статусе*, которые могут вводить собственный вывод говорящего или журналиста на основании мнений, предположений, фактов или личных знаний / опыта; либо *авторизации* и *автоинтертекстуальности* в результате инкорпорирования автоцитат. Использование в ссылочных конструкциях *перволичного дискурсивного голоса в нереферентном статусе* актуализирует наряду с *инференциальной эвиденциальностью* и категорию *деавторизации* [5; 6; 7; 8; 13; 19; 37; 39; 45; 47; 55; 58].

5. *Деавторизация как текстовая категория* коммуникативно-прагматического типа имеет следующие признаки: *логико-понятийное единство*, основанное на интегрировании неидентифицируемых дискурсивных голосов в текст в составе ссылочных конструкций; *общую текстовую функцию* делегирования ответственности за сообщаемое неопределенным или обобщенно-собирательным субъектам в сопровождении различных прагматических эффектов; *однотипную лингвистическую манифестацию*,

реализуемую структурными единицами – деавторизованными высказываниями. Отношение ссылочных конструкций с нереферентными субъектами ко всем ссылочным конструкциям текста позволяет определить *коэффициент деавторизованности* медиатекстов. Текстовая деавторизация реализуется в *нейтральной* или *оценочной* разновидностях, которые различаются по функциям (информирования vs воздействия), коммуникативной роли журналиста (ретранслятор сообщения vs интерпретатор / репрезентатор оценки) и инструментам реализации. Нейтральную разновидность репрезентируют конструкции деавторизации безоценочного характера, которые вводят в медиатекст сведения констатирующего типа. Оценочную разновидность отличает наличие оценки, локализованной в самой ссылочной конструкции или в пропозиции, либо одновременно в конструкции и пропозиции. При этом оценка в деавторизованном высказывании может демонстрировать наложение оценочных смыслов нереферентных субъектов и журналиста и иметь объективный или субъективный характер. Кроме того, текстовая деавторизация характеризуется разной *текстовой архитектурой* в форме *субъектных моделей*, которые выстраиваются на основании структурно-логических и семантико-прагматических связей конструктивных элементов [4; 27; 30; 31; 32; 33; 44; 48].

В исследованных медиатекстах на английском и белорусском языках выделены шесть субъектных моделей текстовой деавторизации: *кустовая*, *центрическая*, *иерархическая*, *гибридная*, *дисперсная* и *рекуррентная*. Субъектные модели обладают постоянными (наличие принципа построения, тематическая связность, наличие субъектных центров или субъектных компонентов) и переменными (количество субъектных центров и их представителей, порядок представления субъектных компонентов, наличие оценочных и/или интенсифицирующих дискурсивных сигналов, степени детализации субъектных компонентов и др.) признаками.

Кустовая модель предполагает наличие одной или нескольких групп нереферентных субъектов (т. е. может быть одно-, двух- или полиядерной), объединенных по критерию семантической общности (в случае с двухъядерной моделью принадлежащих к полюсам бинарных оппозиций «специалисты» – «неспециалисты» или «свои» – «чужие» с дискурсивным перевесом в сторону специалистов или «своих»). *Центрическая* субъектная модель основана на принципе «стимул» – «реакция» и включает центральный референтный субъект, вербальные действия которого являются стимулом, с одной стороны, и периферийные нереферентные субъектные группы, маркирующие введение вербальных реакций на стимул, с другой стороны. *Дисперсная* субъектная модель характеризуется рассредоточением по тексту нереферентных субъектов, которые связаны только тематически, не имеют оснований для объединения в субъектные группы и кодируются преимущественно редуцированными

референциальными выражениями. В *иерархической* субъектной модели неререферентные субъекты имеют уровневую организацию по принципу «часть» – «целое», которые, как правило, выражены метонимичными существительными и демонстрируют или вертикальную неразвернутую, или древовидную развернутую структуру. Иерархическая модель может служить основой для комбинирования с другими моделями, образуя *гибридную* субъектную модель, которая характеризуется наличием двух и более неравновесно представленных субъектных центров, в одном из которых выстраивается субъектная иерархия с постепенным сужением референциального объема. *Рекуррентная* модель представляет собой повторяющуюся в одной референциальной цепочке последовательность неререферентных субъектов, реализующих единую функцию сокрытия источников информации. Наиболее распространенной в информационно-аналитических статьях является рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации в англоязычных текстах и кустовая в белорусскоязычных текстах; в интервью на двух языках и художественно-публицистических текстах на белорусском языке доминирует кустовая модель. Наименее представленной в информационно-аналитических статьях на двух языках является иерархическая субъектная модель, которая не встречается в интервью и художественно-публицистических текстах как самостоятельная [9; 10; 11; 12; 24; 40; 42; 46; 54].

6. Субъектная референция в медиатекстах на английском и белорусском языках демонстрирует *ряд общих и специфичных черт*. Общими являются структурные типы ссылочных конструкций, реализуемые ими прагматические задачи, характер участия субъектов разных референциальных типов в реализации медиатекстовых категорий, архитектурная конфигурация текстовых моделей. Специфичные черты обусловлены функционированием субъектной референции в медиатекстах разных жанров, а также языковыми и социокультурными отличиями.

В *англоязычных* информационно-аналитических статьях используется широкая палитра языковых средств для передачи сведений из анонимных источников и распространения слухов, эксплицитная квалификация информации журналистом в отношении ее достоверности в целях опровержения или назначения «виновника» в порождении слухов, рекуррентная субъектная модель текстовой деавторизации и специфичное употребление субъектно-референциальной стратегии вуалирования при несовпадении фонда знаний журналиста и читателя в отношении сокрытых субъектов сведений, ссылки на неverified документы в результате утечки данных. Кроме того, для англоязычных интервью характерны высокие авторизационные показатели.

Для *белорусскоязычных* информационно-аналитических статей не характерно использование анонимных, сокрытых источников для построения

медiateкста, а ссылочные конструкции с такими субъектами могут содержать упоминание другого издания, которое на них ссылается; текстам интервью на белорусском языке свойственны высокие показатели употребления ссылочных конструкций с нереферентным перволичным субъектом.

Расчет коэффициентов деавторизованности для изучаемых медiateкстов показал меньшую деавторизованность белорусскоязычных информационно-аналитических статей по сравнению с англоязычными и обратную тенденцию в отношении интервью: белорусскоязычные тексты являются более деавторизованными по сравнению с англоязычными [6; 11; 20; 29; 30; 48; 55].

Рекомендации по практическому использованию результатов

1. Разработанная блок-схема алгоритма для создания диалоговых программ распознавания достоверности высказываний медiateкста на основе ссылок на третьеличные субъекты сведений может использоваться как на этапе создания медiateкста, так и на этапе его экспертной оценки при проведении лингвистической экспертизы. Кроме того, предложенную блок-схему целесообразно применять при определении степени достоверности высказывания / текста в других типах дискурса (научном, юридическом, интернет-дискурсе и др.).

2. Установленные в диссертационном исследовании закономерности вербальной репрезентации и функционирования в англо- и белорусскоязычных медiateкстах субъектной референции могут быть использованы в профессиональной деятельности белорусских журналистов при разработке методических рекомендаций, ориентированных на повышение качества передаваемого контента с использованием источников информации, совершенствование навыков определения референтных и нереферентных субъектов сведений в разных прагматических функциях, оптимизацию ответственного информирования с опорой на различные дискурсивные голоса.

3. Результаты исследования имеют лингводидактическую значимость и нашли применение в образовательном процессе, что подтверждается тремя актами о внедрении. Они используются на факультете английского языка Белорусского государственного университета иностранных языков при обучении студентов первой ступени получения высшего образования специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки» в процессе преподавания дисциплины «Социокультурные основы речевого общения» в рамках тем блока «Средства массовой информации», в преподавании учебной дисциплины «Язык средств массовой информации (английский язык)» в рамках тематического блока «СМИ в современном обществе», включающего подразделы «Содержание и функции современных СМИ» и «Специфика англоязычных газетных текстов», а также на факультете социокультурных

коммуникаций Белорусского государственного университета для студентов специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки» при проведении практических занятий по дисциплине «Язык средств массовой информации» в рамках темы «Газеты в Британии. Журналы в Америке. СМИ в Беларуси», помогая студентам изучить особенности вербального кодирования источников информации в современной англоязычной и белорусскоязычной прессе в сопоставительном ключе. Информационно-воспитательный потенциал полученных результатов заключается в ознакомлении студентов с обнаруженными современными тенденциями при передаче информации в англо- и белорусскоязычном медиаполе, а также возможности сравнения степени ответственности за сообщаемое и влияния способов указания источников информации на достоверность транслируемых данных в медиатекстах на двух языках. В этой связи результаты проведенного исследования могут содействовать формированию медиаинформационной грамотности современной молодежи, не позволяя поддаваться информационным манипуляциям.

4. Результаты работы, отраженные в авторской монографии «Субъектная референция и медиатекстовые категории», используются в образовательном процессе на первой и второй ступенях Белорусского государственного университета иностранных языков в качестве источника дополнительной литературы в ходе самостоятельной работы студентов специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» при подготовке к практическим занятиям по дисциплине «Язык средств массовой информации», а также в качестве источника литературы при написании научно-исследовательских работ и разработке проблематики курсовых, дипломных и магистерских проектов обучающихся на факультете английского языка, способствуя повышению качества и актуальности научных работ.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Монография

1. Басовец, И. М. Субъектная референция и медиатекстовые категории / И. М. Басовец. – Мн. : МГЛУ, 2025. – 200 с.

Статьи в научных изданиях, соответствующих п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь

2. Басовец, И. М. Соотношение понятия «деавторизация высказывания» со смежными теоретическими понятиями (на материале англо- и белорусскоязычных публицистических текстов) / И. М. Басовец // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. Серыя Філалагічныя навукі. – 2016. – № 2 (48). – С. 101–106.

3. Басовец, И. М. Эвиденциальность vs. деавторизация высказывания (на материале англо- и белорусскоязычных публицистических текстов) / И. М. Басовец // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі. – 2017. – № 1(49). – С. 80–83.

4. Басовец, И. М. Критерии определения степени деавторизации высказывания (на материале англоязычных публицистических текстов) / И. М. Басовец // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2018. – № 1 (92). – С. 43–48.

5. Басовец, И. М. Особенности функционирования маркеров прямой эвиденциальности в англоязычном медиадискурсе / И. М. Басовец // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. Серыя Філалагічныя навукі. – 2019. – № 2 (54). – С. 120–124.

6. Басовец, И. М. Взаимосвязь категории информативности и механизмов субъектной референции в белорусско- и англоязычном интервью / И. М. Басовец // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2023. – № 1. – С. 80–89.

7. Басовец, И. М. Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в реализации категории достоверности в англо- и белорусскоязычном медиадискурсе / И. М. Басовец // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 129–140.

8. Басовец, И. М. Субъектная референция в реализации категории эвиденциальности в англо- и белорусскоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 7–24.

9. Басовец, И. М. Центрическая субъектная модель текстовой деавторизации (на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов) / И. М. Басовец // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2023. – № 6 (127). – С. 7–14.

10. Басовец, И. М. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в медиажанрах (на материале английского и белорусского языков) / И. М. Басовец // Известия Смоленского государственного университета. – 2024. – № 1 (65). – С. 90–102.

11. Басовец, И. М. Связи нереперентных субъектов конструкций деавторизации в медиатекстах (на материале английского и белорусского языков) / И. М. Басовец // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2024. – №1. – С. 86–94.

12. Басовец, И. М. Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусскоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2024. – № 1 (128). – С. 16–23.

13. Басовец, И. М. Участие референциальных механизмов субъектных номинаций в манифестации категории интертекстуальности в новостных статьях (на материале белорусского и английского языков) / И. М. Басовец // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – Т. 16, Вып. 2. – С. 5–15.

14. Басовец, И. М. Субъектно-референциальные стратегии в белорусскоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2024. – № 3 (130). – С. 7–18.

15. Басовец, И. М. Средства и типы субъектной референции в ссылочных конструкциях белорусскоязычных газетных текстов / И. М. Басовец // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2025. – № 1 (148). – С. 52–56.

16. Басовец, И. М. Референциальные конфликты в белорусскоязычных газетных текстах / И. М. Басовец // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 66–71.

17. Басовец, И. М. Влияние референциальных характеристик субъектов сведений на референциальный фокус высказываний в англо- и белорусскоязычных газетных текстах / И. М. Басовец // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі. – 2025. – № 2 (66). – С. 94–100.

Раздел в коллективной монографии

18. Басовец, И. М. Референциальная прозрачность источников информации в англоязычном газетном дискурсе / И. М. Басовец // Медиадискурс в современной лингвистической парадигме: сравнительно-сопоставительный аспект / Е. В. Сажина [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Сажинной ; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 135–147.

Статьи в рецензируемых сборниках научных статей и трудов

19. Басовец, И. М. Референциальный фокус высказывания с конструкциями авторизации и деавторизации в новостном дискурсе / И. М. Басовец // Концептуализирующая сила грамматики: Ars Grammatica : сб. науч. ст. ; редкол.: И. В. Дмитриева (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2021. – С. 69–76.

20. Basovets, I. M. Referential Focus of Sentences with Authorization and Deauthorization Structures in English Media Text / I. M. Basovets // *Sciences of Europe*. – 2024. – No 134. – P. 32–35.

21. Басовец, И. М. Сохранение vs изменение референциального статуса субъектов в конструкциях (де)авторизации (на материале белорусскоязычных медиатекстов) / И. М. Басовец // *Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф., Ярославль, 17–18 мая 2024 г. / Ярослав. гос. тех. ун-т. – Ярославль : ЯГТУ, 2024. – С. 326–330.*

22. Басовец, И. М. Корреляции сущностных свойств и категорий современного медиатекста / И. М. Басовец // *Современные тенденции филологического исследования текста в контексте межкультурного взаимодействия : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. – С. 95–99.*

23. Basovets, I. M. Referential Conflicts in English Newspaper Texts / I. M. Basovets // *Scientific Journal of Italy*. – 2024. – No 62. – P. 97–100.

24. Басовец, И. М. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в интервью (на материале английского и белорусского языков) / И. М. Басовец // *Наука и образование : сб. тр. участников XVI Междунар. науч. конф., Белово, 29–30 ноября 2023 г. / Белов. ин-т (филиал) фед. гос. бюдж. обр. учр. высш. обр. «Кемеров. гос. ун-т». – Красноярск : Научно-инновационный центр, 2024. – С. 355–361.*

25. Басовец, И. М. Древнеанглийские способы указания на субъект сведений / И. М. Басовец // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т ; под ред. А. В. Зиньковской, В. В. Катерминой, С. Х. Липириди, А. М. Прима, А. В. Самойловой. – Краснодар : КГУ, 2025. – С. 12–20.*

26. Басовец, И. М. Усложнение структуры ссылочных конструкций в англо- и белорусскоязычных газетных текстах / И. М. Басовец // *Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф., Ярославль, 16–17 мая 2025 г. / Ярослав. гос. тех. ун-т. – Ярославль : ЯГТУ, 2025. – С. 420–423.*

27. Басовец, И. М. Локализация оценки в конструкциях деавторизации (на материале англо- и белорусскоязычных газетных текстов) / И. М. Басовец // *Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных : сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящ. пам. д. ф. н., проф. О. П. Ермаковой, Калуга, 28–30 июня 2025 г. / Калуж. гос. ун-т им. К. Э. Циолковского ; отв. ред. А. Н. Еремин. – Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2025. – С. 18–25.*

28. Басовец, И. М. Ссылки на пользовательский контент в англоязычных газетных текстах / И. М. Басовец // Динамика медиасистем. – Т. 5, Вып. 2. – Челябинск : ЧГУ, 2025. – С. 16–23.

Материалы и тезисы докладов научных конференций

29. Басовец, И. М. Оперирование нереферентными источниками информации в публицистике (на материале белорусскоязычных текстов) / И. М. Басовец // Актуальные вопросы германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы XVIII респ. науч.-практ. конф., Брест, 28 фев. 2014 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Сатинова [и др.]. – Ч. 1. – Брест : БрГУ, 2014. – С. 139–141.

30. Басовец, И. М. Языковые маркеры субъекта оценки в англо- и белорусскоязычных высказываниях / И. М. Басовец // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 14 Междунар. науч.-техн. конф., Минск, февр. 2016 г. : в 4 т. / Бел. нац. техн. ун-т ; редкол.: Б. М. Хрусталева [и др.]. – Мн. : БНТУ, 2016. – Т. 4. – С. 368.

31. Басовец, И. М. Деавторизация высказывания как мягкая стратегия воздействия в белорусских СМИ (на материале статей газеты «Звязда») / И. М. Басовец // Коммуникативное пространство Беларуси: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 24 нояб. 2016 г. / Минский гос. лингвист. ун-т. – Мн. : МГЛУ, 2017. – С. 28–32.

32. Басовец, И. М. Демагогизмы как инструменты стратегии деавторизации в современных СМИ / И. М. Басовец // Коммуникативное пространство Беларуси : тез. Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 октяб. 2018 г. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2018. – С. 7–10.

33. Басовец, И. М. Некоторые деавторизирующие приемы СМИ для уклонения от ответственности за сообщаемое / И. М. Басовец // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 26 октяб. 2018 г. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Л. И. Богатикова (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 160–165.

34. Басовец, И. М. Вариативность конструкций с затемненным референтом в медиадискурсе / И. М. Басовец // Вариативность в языке и речи : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 4–5 апр. 2019 г. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол. : Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2019. – С. 23–25.

35. Басовец, И. М. Особенности функционирования глаголов чувств при введении неавторского повествования в медиатекстах / И. М. Басовец // Материалы ежегод. науч. конф., 17–27 апр. 2020 г. : в 5 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. Н. П. Баранова. – Ч. 1. – Мн. : МГЛУ, 2020. – С. 180–183.

36. Басовец, И. М. Степень референциальной прозрачности субъектов – источников информации (на материале англоязычных газетных статей) /

И. М. Басовец // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 окт. 2021 г. / Минский гос. лингвист. ун-т. ; редкол.: Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.] – Мн. : МГЛУ, 2021. – С. 82–84.

37. Басовец, И. М. Способы метапрагматического сигнализирования с использованием конструкций авторизации и деавторизации в англоязычном медиадискурсе / И. М. Басовец // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 25–29 апр. 2022 г. : в 4 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. – Мн. : МГЛУ, 2022. – Ч. 3. – С. 5–8.

38. Basovets, I. M. Deauthorization Structures as Tools of Vague Sources in Newspaper Discourse / I. M. Basovets // Proc. of 3rd Intern. Marmara Scientific Research and Innovation Congress, Istanbul, 19–20 Nov. 2022. – Ankara : Iksad Publications, 2022. – P. 946–955.

39. Басовец, И. М. Взаимосвязь референциальной автоинтертекстуальности и авторизации в англоязычных интервью / И. М. Басовец // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы VII Междунар. научн. конф., Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – Вып. 10. – СПб. : Медиапепир, 2023. – С. 20–24.

40. Басовец, И. М. Центрическая модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье / И. М. Басовец // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов : тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 12–13 мая 2023 г. / Минский гос. лингв. ун-т ; редкол.: Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2023. – С. 174–175.

41. Басовец, И. М. Взаимодействие категорий, маркирующих авторство сообщаемого / И. М. Басовец // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы Междунар. научн.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 12 апреля 2023 г. / Ростов. гос. экон. ун-т «РИНХ». – Ростов-на-Дону : РИНХ, 2023. – С. 72–77.

42. Басовец, И. М. Модели текстовой деавторизации в англоязычных газетных текстах / И. М. Басовец // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 марта 2023 г. / Бел. гос. ун-т ; науч. ред. А. О. Долгова ; редкол.: О. А. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2023. – С. 3–8.

43. Басовец, И. М. Отличительные и общие параметры деавторизации и эвиденциальности / И. М. Басовец // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 16–19 мая 2023 г. : в 4 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. Н. Е. Лаптева [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2023. – Ч. 1. – С. 81–84.

44. Басовец, И. М. О возникновении понятия «деавторизация»: историко-хронологический обзор / И. М. Басовец // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и

перспективы : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Ижевск, 21–22 ноября 2023 г. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск : УГУ, 2023. – С. 222–226.

45. Басовец, И. М. Влияние конструкций деавторизации на распространение фейк-новостей / И. М. Басовец // Культура информационной безопасности: вызовы времени : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании», Москва, 23–24 ноября 2023 г. / Моск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Былевский П. Г. (отв. ред.), Ваничкина А. С., Гусева Е. Н., Самойлов В. Е., Цацкина Е. П. – Москва : «Белый ветер»; ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024. – С. 378–388.

46. Basovets, I. M. Ring Subject Model of Textual Deauthorization in English Newspaper Texts / I. M. Basovets // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 9–10 ноября 2023 г. ; Казан. гос. энергет. ун-т. – Казань : КГЭУ, 2024. – С. 24–28.

47. Басовец, И. М. Взаимосвязь референциальных типов субъекта и категорий медиатекста / И. М. Басовец // Современная филологическая наука: достижения и инновации : сб. материалов Междунар. симпозиума. – Иваново, 23–25 мая 2024 г. – Иваново : ИГУ, 2024. – С. 48–52.

48. Басовец, И. М. Идеологическо-прагматический потенциал конструкций деавторизации в современных медиатекстах / И. М. Басовец // Русский язык и ценностные ориентиры современного мира : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 2–3 февраля 2024 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т ; под общ. ред. Н. В. Данилевской. – Пермь : ПГНИУ, 2024. – С. 253–260.

49. Басовец, И. М. Проблема систематизации основных категорий текста / И. М. Басовец // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2024 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Куркович (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2024. – С. 17–23.

50. Басовец, И. М. Прагматика конструкций с гипотетическим и псевдореферентным субъектом в белорусскоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы Междунар. научн-практ. конф., Ростов-на-Дону, 10 апреля 2024 г. Ростов. гос. экон. ун-т. – Ростов-на-Дону : РИНХ, 2024. – С. 65–69.

51. Басовец, И. М. Референциальный конфликт в белорусскоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // Лингвистика, лингводидактика и переводоведение: настоящее и будущее (ЛЛПНБ-24) : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Зеленоград, 19 апреля 2024 г. / Нац. исслед. ун-т «Моск. ин-т электрон. техники». – М. : МИЭТ, 2024. – С. 14–18.

52. Басовец, И. М. Корреляции типов авторства и категорий медиатекста / И. М. Басовец // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы VIII Междунар. научн. конф., Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г. / С.-Петерб.

гос. ун-т ; науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – Вып. 11. – СПб. : Медиапайр, 2024. – С. 19–23.

53. Басовец, И. М. Роль референциальных типов субъекта в создании референциального конфликта в англоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 16–18 апреля 2024 г. : в 2 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. – Мн., 2024. – Ч. 2. – С. 5–8.

54. Басовец, И. М. Гибридная субъектная модель текстовой деавторизации в белорусских медиатекстах / И. М. Басовец // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков : материалы XIV Междунар. науч. конф., Гомель, 25 октября 2024 г. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – С. 3–5.

55. Басовец, И. М. Вклад ссылочных конструкций в реализацию категории информативности газетных текстов / И. М. Басовец // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития : материалы II Междунар. научно-практ. конф. Казань, 7–8 ноября 2024 года / Казан. гос. энергет. ун-т. – Казань : КГЭУ, 2025. – С. 17–21.

56. Басовец, И. М. Нереферентный перволичный дискурсивный голос в ссылочных конструкциях белорусскоязычных газетных текстов / И. М. Басовец // Теория медиа и медиалингвистика: научно-исследовательские подходы, достижения, перспективы : сб. материалов I Всероссийской науч.-практ. конф., Омск, 5–6 марта 2025 г. / Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского ; отв. ред.: Е. Г. Малышева. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2025. – С. 163–165.

57. Басовец, И. М. Субъектно-референциальная стратегия конструирования в англоязычных медиатекстах / И. М. Басовец // От слова к дискурсу : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 15–17 мая 2025 г. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол. : Ю. В. Овсейчик (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : МГЛУ, 2025. – С. 216–218.

58. Басовец, И. М. Субъектно-референциальная стратегия вуалирования в ссылочных конструкциях англо- и белорусскоязычных медиатекстов / И. М. Басовец // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы IX Междунар. научн. конф., Санкт-Петербург, 25–28 июня 2025 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. – Вып. 12. – СПб. : Медиапайр, 2025. – С. 23–26.

59. Басовец, И. М. Субъекты ссылочных конструкций газетных текстов, участвующие во взаимодействии медийного и разговорного дискурсов / И. М. Басовец // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 23–24 апреля 2025 г. : в 4 ч. / Бел. гос. ун-т иностранных языков ; отв. ред. Н. Е. Лаптева [и др.]. – Мн. : БГУИЯ, 2025. – Ч. 2. – С. 3–6.

РЕЗЮМЕ

Басовец Ирина Михайловна

Субъектная референция и её взаимодействие с текстовыми категориями (на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов)

Ключевые слова: субъектная референция, текстовая категория, авторизация, деавторизация, эвиденциальность, интертекстуальность, достоверность, (не)референтный субъект, ссылочная конструкция, перволичный, второличный и третьеличный дискурсивный голос.

Цель исследования: разработка концепции взаимодействия субъектной референции и текстовых категорий, связанных с авторством передаваемой информации в газетных текстах на английском и белорусском языках.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод, референциальный, контекстуальный, компонентный анализ, сопоставительно-параметрический метод, метод моделирования.

Полученные результаты и их новизна. В диссертации впервые осуществлено многоаспектное изучение взаимодействия субъектной референции и текстовых категорий авторизации, деавторизации, эвиденциальности, интертекстуальности, достоверности в медиатекстах на английском и белорусском языках. Выявлены структурно-референциальные и семантико-прагматические характеристики субъектов ссылочных конструкций и субъектно-референциальные стратегии. Обоснован статус деавторизации как текстовой категории, установлены ее разновидности, признаки, средства манифестации, текстовая архитектура в форме субъектных моделей; установлены коэффициенты деавторизованности изучаемых медиатекстов. Определена специфика субъектной референции в англо- и белорусскоязычных медиатекстах. Разработана блок-схема алгоритма для создания диалоговых программ распознавания достоверности высказываний медиатекста на основе ссылок на третьеличные субъекты сведений.

Рекомендации по использованию. Результаты и выводы проведенного исследования целесообразно использовать в дальнейших исследованиях текстовой референции, в лингвистической экспертизе при оценке степени достоверности текстов различных типов, в профессиональной деятельности белорусских журналистов; в практике вузовского преподавания широкого круга дисциплин, связанных с теорией коммуникации и лингвистикой текста.

Область применения: медиалингвистика, лингвопрагматика, стилистика, лингвистика текста, логическая семантика, лингвистическая экспертиза текстов.

РЭЗІЮМЭ

Басавец Ірына Міхайлаўна

Суб'ектная рэферэнцыя і яе ўзаемадзеянне з тэкставымі катэгорыямі (на матэрыяле англа- і беларускамоўных медыятэкстаў)

Ключавыя словы: суб'ектная рэферэнцыя, тэкставая катэгорыя, аўтарызацыя, дэаўтарызацыя, эвідэнцыйнасць, інтэртэкстуальнасць, дакладнасць, (не)рэферэнтны суб'ект, спасылачная канструкцыя, першаасабовы, другаасабовы і трэцеасабовы дыскурсіўны голас.

Мэта даследавання: распрацоўка канцэпцыі ўзаемадзеяння суб'ектнай рэферэнцыі і тэкставых катэгорый, звязаных з аўтарствам інфармацыі ў медыятэкстах на англійскай і беларускай мовах.

Метады даследавання: параўнальна-супастаўляльны метады рэферэнцыйны, кантэкстуальны, кампанентны аналіз, супастаўляльна-параметрычны метады, метады мадэлявання.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню ў дысертацыі ажыццёўлена шматаспектнае вывучэнне ўзаемадзеяння суб'ектнай рэферэнцыі і тэкставых катэгорый: аўтарызацыі, дэаўтарызацыі, эвідэнцыйнасці, інтэртэкстуальнасці, дакладнасці ў медыятэкстах на англійскай і беларускай мовах. Выяўлены структурна-рэферэнцыйныя і семантыка-прагматычныя характарыстыкі суб'ектаў спасылачных канструкцый і суб'ектна-рэферэнцыйныя стратэгіі. Абгрунтаваны статус дэаўтарызацыі як тэкставай катэгорыі, устаноўлены яе разнавіднасці, прыкметы, сродкі маніфестацыі, тэкставая архітэктура ў форме суб'ектных мадэлей; устаноўлены каэфіцыенты дэаўтарызацыі вывучаемых медыятэкстаў. Вызначана спецыфіка суб'ектнай рэферэнцыі ў англа- і беларускамоўных медыятэкстах. Распрацавана блок-схема алгарытму для стварэння дыялогавых праграм распазнання дакладнасці выказванняў медыятэксту на аснове спасылак на трэцеасабовыя суб'екты звестак.

Рэкамендацыі па выкарыстанні. Вынікі і высновы праведзенага даследавання мэтазгодна выкарыстоўваць у далейшых даследаваннях тэкставай рэферэнцыі, у лінгвістычнай экспертызе пры ацэнцы ступені дакладнасці тэкстаў розных тыпаў, у прафесійнай дзейнасці беларускіх журналістаў; у практыцы выкладання ў ВНУ шырокага кола дысцыплін, звязаных з тэорыяй камунікацыі і лінгвістыкай тэксту.

Галіна выкарыстання: медыялінгвістыка, лінгвапрагматыка, стылістыка, лінгвістыка тэксту, лагічная семантыка, лінгвістычная экспертыза тэкстаў.

SUMMARY

Irina Mikhailovna Basovets

Subject reference and its interaction with text categories (based on English and Belarusian media texts)

Key words: subject reference, text category, authorization, deauthorization, evidentiality, intertextuality, reliability, (non)referential subject, reference construction, first-person, second-person and third-person discursive voice.

The aim of the research is to develop the concept of interaction of subject reference and text categories associated with the authorship of the transmitted information in media texts in English and Belarusian.

The main methods: comparative-contrastive method, referential, contextual, component analysis, comparative-parametric method, modeling method.

The results obtained and their novelty. For the first time the dissertation has effected a multi-aspect study of the interaction of subject reference and the text categories: authorization, deauthorization, evidentiality, intertextuality, reliability in the English and Belarusian media texts. Structural-referential and semantic-pragmatic characteristics of the subjects of reference constructions and subject-referential strategies have been revealed. The status of deauthorization as a text category has been proved, its varieties, features, means of manifestation, text architecture in the form of subject models have been established; deauthorization coefficients of the studied media texts have been defined. The specifics of subject reference in English and Belarusian media texts has been determined. The block-diagram of the algorithm for creating dialog programs for recognition of the reliability of statements in a media text based on references to third-person information sources has been developed.

The recommendations on the use of the obtained results. The results and conclusions of the dissertation can be useful in further studies of text reference, in linguistic examination when assessing the reliability of various types of texts, in the professional activity of Belarusian journalists, and in the practice of university teaching in a wide range of disciplines related to communication theory and textual linguistics.

The spheres of application: media linguistics, linguistic pragmatics, stylistics, text linguistics, logical semantics, linguistic expert text assessment.

Научное издание

БАСОВЕЦ Ирина Михайловна

**СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ И ЕЁ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ТЕКСТОВЫМИ КАТЕГОРИЯМИ
(на материале англо- и белорусскоязычных медиатекстов)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Ответственный за выпуск *И.М. Басовец*

Подписано в печать 14.11.2025 г. Формат 60x84 1 /16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Ризография. Усл. печ. л. 2,91. Уч.-изд. л. 3,15. Тираж 100 экз. Заказ 42. Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.